

Командир корпуса¹

Уже на другой день по прибытии в Петербург, утром 12 июля Кутузова пригласили на секретное заседание Комитета Министров.

— Господь Бог послал нам тебя! — признал от лица министров фельдмаршал Николай Иванович Салтыков, он же Председатель Государственного Совета и Комитета Министров.

Было видно, радуется искренне, но в глазах тревога.

— Петербург совершенно не защищён. Михаил Илларионович, дали бы тебе армию, но где взять её? Прими под команду Нарвский корпус. Все силы, какие есть в Петербурге, под Петергофом — твои.

Министры смотрели на Кутузова, ожидая ответа. Поклонился в пояс:

---

¹ Окончание. Начало в «Гостином Дворе» № 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56

— Служить всегда рад. Для старого солдата служить и жить — одно. Пиши приказ, Николай Иванович, моё дело — исполнять.

В апартаментах Комитета Министров словно бы потеплело. Министры ожили. Ждали капризов от старика, запросов. А он, как учёный вол — голову в ярмо, и безнадёжно недвижимый воз уже одним его согласием сдвинулся с места.

Причина неловкости, сквожившей в предложении Салтыкова Кутузову, обнаружилась уже через полчаса. Северную столицу предстояло загородить от наполеоновских полчищ пятью батальонами драгун, девятью — пехоты и тремя артиллерийскими ротами. Со всякими вспомогательными службами набралось восемь тысяч человек.

Сделав распоряжения о смотре личного состава корпуса, Михаил Илларионович поехал в Казанский собор.

Обедню служил протоиерей Иоанн. Вместо проповеди прочитал Манифест Священного Синода. Слова сего манифеста дышали Небесною грозой.

— «С того времени, как ослеплённый мечтою вольности народ французский испровергнул Престол единодержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали».

О России в манифесте сказано было сурово, но достойно:

— «Богом спасаемая Церковь и Держава Российская доселе была по большей части сострадающею зрительницею чужих бедствий... Ныне сия година искушения касается нас, россияне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящий клятв, не уважающий алтарей враг, дыша столь же ядовитою лестиею, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолешие храмов Божиих ещё издавеча простирает хищную руку. Сего ради взываем к вам, чада Церкви и Отечества!»

— Господи, дай сил послужить России! Пошли воинству православному остановить зверя! — Слова молитвы заслонили всё и вся.

Народ пошёл к Кресту, и Михаил Илларионович встал в очередь. По знаку протоиерея церковные служки взяли генерала под руки, поставили первым.

— Да достигнут молитвы наши Престола Господня о воинстве русском. Михаил Илларионович, на мышцу твою уповаем, на мудрость твою. Ты есть щит Господень от супостата.

Кутузов поцеловал Крест, поцеловал руку пастыря, пошёл из храма, чувствуя на спине, на затылке глаза, смотрящие на него.

Сердце ужаснулось: с восьмью тысячами чудо-богатырей, как говаривал Суворов, только погибнуть со славою. Побить

зверя, в клетку загнать — вся Россия надобна.

Граф Кутузов от коляски своей двигался с великою осторожностью, будто ноги у него были не свои, не привычные.

Однако, завидя генерала, унтер-офицеры прибавили голоса и строгости. Шла учёба людей, к оружию непривычных.

— Дубину, что ли, на плечо завалил?! — кричал унтер на благообразного, далеко не молодого человека. Выхватил у немехи ружьё, проделал виртуозный каскад приёмов.

— Молодец, братец! — похвалил Кутузов унтера.

Подождав, пока подойдут офицеры, сказал, не напрягая голоса, но так, чтоб рядовые ополченцы и командиры слышали:

— Прошу вас, господа, обучить воинов из всех артикулов ружейных двум обязательным: заряду и способности действовать штыком. Не к параду приготавлиаемся.

Пошёл вдоль фронта, ласково улыбкой ободряя каждого ополченца:

— Время пришло трудное, братцы! А то хорошо, что вот стоят плечом к плечу крестьянин и чиновник, приказчик и грузчик с баржи. Отечество одно на всех.

Повернулся к офицерам:

— Господа! О ружье сказал. Теперь о премудростях строя. Учите волонтёров маршировать фронтом, взводами, отделениями, но искать в сих маршах

красоту — запрещаю. Будут ступать в одну ногу — значит, учёны главному. Фронт не должен иметь волнования, кое приводит к расстройству линий.

Ещё раз обошёл строй, и все чувствовали — отец.

— Спасибо, братцы! — И Кутузов вдруг поклонился фронту. — Это я вам говорю, генерал, всю жизнь проведший на войнах. Великое дело свершили, ставши в строй. Моими устами благодарность вам монаршья и всей земли русской. Коли вы здесь, в строю, — стало быть, храбрые люди. А храбрость — запомните сие — оружие, такое же, как пушки, как штыки. И мой совет вам: примите сердцем нашу военную науку. Строй — залог победы, но строй и — спасение. А посему каждый из вас должен знать своё место в шеренге. Вот и вся наука: место своё знать! Место знаешь — хорошо. А другое хорошо — тебе пусть милее родни станет солдат, который перед тобою в ряду и который позади тебя. Особливо же кто в твоей шеренге по правую да по левую руку. Без этой науки — все мы толпа, а коли место своё знаем — регулярное войско. — И так улыбнулся — вся шеренга просияла в ответ.

— Дел у меня много, братцы. Поеду. Но из всех дел моих вы — самое главное. Не подведите старика.

Обаял граф Михаил Илларионович и рядовых, и унтеров, и офицеров. А дел у него и впрямь было много. Корпус предстояло

вооружить, обмундировать, обеспечить довольствием.

Ежедневно приходилось ездить к Вязмитинову, к Салтыкову: генерала тревожила малочисленность корпуса, но ещё более — резервы для отступающей армии.

Фельдмаршал Салтыков почитал своим долгом выказывать государственное спокойствие. Потому и Кутузову рисовал картину самую утешительную.

— Не на бумаге, на конях, — показывал он доклады губернаторов, — у нас уже сидят девятнадцать полков башкирских, уральских пять, пять оренбургских, два мешерякских — иначе говоря, татарских. Сие на востоке. На юге — сведены и уже выступили двадцать шесть донских казачьих полков! В Полтавской, в Черниговской, в Киевской, Подольской губерниях вооружено и грядёт на неприятеля шестьдесят тысяч ополченцев! Неделю тому назад мы усилили третью армию Тормасова четырьмя казачьими полками. Весьма вовремя. Австрияки и саксонцы Шварценберга и Ренье вглубь Малороссии не отваживаются наступать. Даже за Стырь не идут.

Кутузов одобрительно кивал поникшей головою.

— Что с тобою, Михал Илларионович?! — удивился фельдмаршал.

— Слух по Петербургу идёт... Невероятный, но для нынешнего состояния дел весьма нездоровый, даже опасный.

— О Константине? — прямо спросил Салтыков.

— Я ушам своим, разумеется, не верю, — Кутузов смотрел на ладонь, будто на ладони записал сие сомнительное известие.

— Его высочество посчитал нашу армию разгромленной, нынешнее русское воинство не способно-де противостоять гению императора Наполеона. Его высочество якобы даже торопил государя, покуда есть видимость сопротивления, начать переговоры о мире. — Кутузов слушал фельдмаршала бесстрастно. И молчал бесстрастно. Бесстрастность сия была неприятная, брезгливая, но Салтыкову в радость. — Императрица Мария Фёдоровна тоже весьма желает мира.

— Ничего не остаётся, — всё так же бесстрастно и брезгливо сказал Кутузов. — Ничего не остаётся, как побить Бонапарта.

— Бонапарт невероятно силен! — вырвалось у Салтыкова потаённое.

— А для чего переть силой на силу? — Кутузов прикрыл веком здоровый глаз. — На сильного есть хитрость, на хитрого — простота. Вот наши козыри.

Салтыков порывисто поднялся, встал и Кутузов. Обнялись.

Избранник

16 июля, в воскресенье графиня Екатерина Ильинична обедала дома с мужем, с дочерьми. За столом сидели Прасковья,

её супруг, Матвей Фёдорович Толстой — камергер, тайный советник. Екатерина, жена полковника Кудашева. Племянник графини Александр Александрович Бибииков. Чуть припоздав, примчалась красавица Дарья, фрейлина государыни, привезла своего Опочинина.

— Как давно я не был с вами! — поразился Михаил Илларионович. — А что за праздник у нас сегодня?

Слуги разливали по бокалам шампанское.

Тут-то и грянули пушки. Залп. Залп.

Графиня Екатерина Ильинична поднялась с бокалом, чёрные глаза сверкают, головка поднята задорно. Крикнула, как когда-то полковнику крикивала:

— Ура! Ура нашему герою миротворцу! —хватила бокал единым духом. — Ура!

Дочери, их мужья, их дети кричали «ура», пушки палили залп за залпом.

Матвей Фёдорович объяснил вопросительно улыбающемуся Михаилу Илларионовичу:

— Простите, что скрыли от вас, батюшка! Петербург празднует мир с турками. Выходит, салют в честь и славу вашего сиятельства.

Именинник торжества поднялся, показал на грудь, где сверкал алмазами портрет императора Александра.

— Сие — за Руцук. За взятие лагеря визиря — графское достоинство, за устроение мирного

договора — громы победы. Хорошо, да всё это для Отечества — прошлое, пережитое. Мне бы корпус собрать, обучить. Град Петров нынче можно голыми руками взять, а у француза полмиллиона ружей. — Поклонился Бибиикову. — Зову тебя, друг мой, себе в помощники. Без денег войска не соберёшь. Деньги тоже воюют, да ещё как воюют. Нужно организовать сбор средств, нужно уговорить петербургское дворянство — пусть дадут людей, хотя бы по мужику со ста человек.

— Танцевать! Танцевать! — потребовала графиня Екатерина Ильинична.

И все пошли в залу.

Наутро, спозаранок, Кутузов занимался писаниною. В двенадцатом часу графиня отбыла на службу во дворец — и вдруг назад прикатила.

Застала своего генерала среди доброй дюжины священников.

— Похлопочу! Похлопочу! — обещал Михаил Илларионович батюшкам. — Уж больно радостные хлопоты сии. Благословите раба Божьего Михайлу и рабу Божью Катерину.

Пошёл целовать благословляющие руки. Пришлось и графине благословиться.

Батюшки наконец ушли, и Екатерина Ильинична тотчас приказала командирским голосом:

— Мундир вели подавать! Да тотчас! Тотчас!

— Что за спешность?! — удивился Михаил Илларионович. — У меня бумаг целая гора.

— К тебе делегация вот-вот будет. От дворянства.

И верно. Пожаловали. Повезли в дом графа Безбородки. А там вся слава, весь цвет Петербурга и Петербургской губернии.

Граф Илья Андреевич — генерал-поручик, действительный тайный советник, а с ним Алексей Алексеевич Жеребцов, предводитель Петербургского губернского дворянства, — встретили Кутузова во дворе. Повели в залу, и всё собрание встало и тотчас поклонилось призванному спасти от нашествия Наполеона — Петербург, жён и детей, само имя русское.

За всех сказал Жеребцов:

— Ваше сиятельство! Михаил Илларионович! Позвольте объявить вам общую просьбу дворянского собрания: примите начальство над всеобщим ополчением Санкт-Петербургской губернии.

Воцарилась тишина.

Кутузов приложил руку к груди, но голову не склонил, а поднял.

— Вот лучшая для меня награда в моей жизни.

Крикнули: «Слава».

Но Михаил Илларионович поклонился, коснувшись пола.

— В нынешней войне думать надобно не о славе, о жизни. Дабы не замедлить отказом ревностных действий ваших, я принимаю и возлагаю на себя командование ополчением. Но я, господа, на службе его величества.

Ежели император призовет меня к иной комиссии, должность сию принуждён буду оставить и передать избранному вами человеку. И сразу спрошу, почитая себя приступившим к исполнению новых моих занятий: какую силой предстоит мне командовать?

Михаилу Илларионовичу тотчас показали решение собрания: «Положили со ста человек брать четверых. Вооружить, одеть, но оставить при бородах. Провиантом снабдить на три месяца. Собрать деньги. С домов пятидесятых по два процента».

У купечества было своё собрание: дали два миллиона. От дворян пожертвования ожидаются добровольные. Александро-Невская Лавра обещает серебряный сервиз, митрополит Амвросий приносит в общую казну все драгоценные жалованные вещи.

— Есть у меня ещё один вопрос, — сказал Кутузов собранию. — Где будет и когда начнёт действовать Устроительный комитет ополчения?

— Здесь, в моём доме, — объявил граф Безбородко. — Запись в ополчение начнётся тотчас.

— Пусть мои помощники приступают к делам! — объявил Кутузов. — А я пойду помолось. За царя, за Отечество готов пролить кровь до последней капли.

Крикнули «ура», а Кутузов слёзы с глаз отёр:

— Кровь придётся проливать вьявь. Свою, горячую... Нешумное сие дело. Господи, не оставь.

Дела командирские

Дел на командующего корпусом обороны Петербурга, начальника Петербургского ополчения навалилось множество.

Просил генерал-лейтенанта Горчакова, управляющего военным министерством, отпустить из арсенала двадцать четыре трёхфунтовых единорога для формирования двух конных артиллерийских рот.

Рапортовал императору Александру о знамёнах. Предлагал завести по два на батальон, «под коими бы новопоступившие воины приводились к присяге». Знамёна были белые, с красными крестами, с надписью «Сим знаменем победиши».

Требовал выделить из Петербургского гарнизона и войск, находящихся в Финляндии, семьдесят унтер-офицеров, которые стали бы основанием Земского войска.

Не забыл и о батюшках, коих Екатерина Ильинична застала у себя дома. Приходили проситься в ополчение. 22 июля Кутузов писал митрополиту Петербургскому и Новгородскому Амвросию:

«Благословением Правительствующего Синода разрешено вступать в военную службу всем духовного звания людям, в служение церковное непостриженным, а потому я прошу покорнейше, Ваше Высокопреосвященство, приказать объявить желающим вступить в С.-Петербургское

ополчение, чтобы они являлись в Устроительный комитет ополчения всякий день с 10 часов утра, в доме барона Раля, что на Мойке».

Ополчение Михаил Илларионович разбил на восемь пеших дружин, каждая из людей одного уезда. В дружине четыре сотни, в сотне — двести воинов.

Разрешено быть одетыми в крестьянское платье, но не длинное — на вершок ниже колена.

Дружиннику полагались ружьё со штыком, а ежели штыка не было, то пика, ранец и сума. Для белья, для запасных сапог, для сухарей на три дня.

Пришлось испрашивать у государя ружья. Из арсенала выделили десять тысяч, патроны — по шестьдесят штук на ружьё.

Через посредство Экономического комитета приобрёл пятьдесят четыре барабана.

Обращался к предводителю дворянства Жеребцову, чтобы тот предложил с.-петербургскому дворянству и другим сословиям пожертвовать 1200 лошадей.

Были и чисто воинские заботы.

Для прикрытия Петербурга Кутузов советовал Александру учредить один лагерь возле Нарвы, другой между Лугой и Пороховым — на дороге к Новгороду.

Видный столичный сановник Иван Антонович Пуколов писал в эти дни в Москву Аракчееву: «От Риги и Дриссы тревожат часто слухами. Никто ничего не знает. В людях большой у нас недостаток, но герой Кутузов с нами...

Пламенная во всех русских любовь к Отечеству произвести может чудеса!»

Большинство народа из чиновников, купечества, из мещан были в обиде за Кутузова. Расщедрились, командиром над мужиками поставили.

Большой чиновник Петербургского почтамта Оденталь писал лично секретарю Ростопчина Булгакову:

«Граф Гол.-Кутузов здесь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Бог жизнь его и здравие! Его выбрало здешнее дворянское сословие начальником вновь набираемых защитников Отечества... Но ежели не последует по высочайшей воле полезнейшего для него, а, следовательно, и для России, назначения, то накажет праведный и всемогущий Судия тех, которые отъемлют у нас избавителя. Вчерась на сего почтенного, заслугами покрытого мужа не мог я взирать без слёз!.. Исторгли у него меч, а дают вместо того кортик. А вить у него меч в руках так же действует, как у Михаила Архангела».

О Кутузове говорили, писали. Всем стал нужен.

От вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны явился в Устроительный комитет курьер, привёз пятьдесят тысяч серебром на ополчение и письмо её величества:

«Граф Михаил Ларионович! Основываясь на Манифесте от 6 числа сего месяца, я предполагала из моих вотчин поставить

соответственно оным число ратников, их одеть, вооружить и во всё продолжение войны содержать собственным моим иждивением».

— Так-то лучше! — сказал Кутузов Бибикову.

В свете ходили слухи: вдовствующая императрица требует от царствующего сына заключить мир с Наполеоном.

Знамение

Стыдно, когда тысячные толпы взирают на тебя с восторгом, когда тебе кричат «ура», а ты — беглец, без боя уступивший врагу целые страны.

Император Александр прибыл в Москву ночью 11 июля, отбыл тоже ночью, с 18-го на 19-е.

Езда государя уж и не курьерская — бешеная. Что ни прогон — заморенная насмерть лошадь. Лошадей царственный ездок жалел, но куда деться от высших, от скорейших обязанностей.

Александр Семёнович Шишков принуждён был гнаться столь же резво, дабы не отстать от его величества. Ночью, слава Богу, не отстал, но утром царский поезд прыти прибавил, и вознице Государственного секретаря пришлось нахлёстывать изумительную четвёрку коней без жалости, без стыда, без рассудка.

— Угомонись! Лошадь сдохнет! — закричал адмирал извергу на козлах. Коренная драгла голову, её шатало.

У изверга, хозяина четвёрки, лицо было мокрым от слёз, жалко родимых, но не смел послушаться, не велено отставать от царя.

— Да я тебя самого кнутом! — рассвирепел Александр Семёнович, и возница покорился. В коляске тоже ведь большой человек.

В Твери государь остановился на два дня.

Великая княгиня Екатерина Павловна представила брату батальон егерей, собранный из мужиков собственных имений, вооружённый, одетый, обутый и, главное, обученный. Её супруг, принц Георг Ольденбургский, образовал Комитет тверской военной силы и, как главный его попечитель, докладывал государю о делах с полной серьёзностью:

— В губернии по последним сказкам числится 174 тысячи душ. Рекрутов из мужиков набрано — 3480. Дворян в ополчении, на нынешний день, 634 человека.

Александр благодарил шурина, но ему иное было нужно. Он приехал посмотреть в глаза Екатерине Павловне. И только.

Уединиться удалось за час до обеда. На обед приглашены Председатель Комитета тверской военной силы Кологривов, начальник ополчения генерал-лейтенант Тыртов. Люди нужные, но не близкие.

В первые же мгновения, как остались одни, Екатерина Павловна в порыве тревоги, счастья, нежности целовала и целовала руки брата.

— Александр, твоё мужество прекрасно!

Её склонённая головка, родная, единственно родная, показала ему беззащитной.

— Ты помнишь? Ты помнишь? — спрашивал он.

— Помню! Помню каждое дыхание наше.

Они знали, о чём говорят. О первой, о тайной их встрече в Павловске, на острове, когда им открылось... Когда им открылось...

Он затаил саму жизнь в себе. Ждал — глаз. Она подняла голову, и о беззащитности — речи не могло быть. Он смотрел в синеву глаз её, в синеву бездонную, в синеву, в которой Бог, но как в зеркало. В этом зеркале его собственная синева не отражалась, сливалась с её синевой.

— Я верю в тебя, — сказала Екатерина Павловна. — Только ты! Я знаю о письмах нашей матери, она и мне писала. Я знаю о Константине. Ты не примешь послов того, кто желает быть властелином земли. Он — супротивник Богу и разуму. Мир признаёт над собою не власть, но любовь.

— Я слушаю, я слушаю! — прошептал Александр.

— Что бы ни произошло, о тебе будут молиться, тебе принесут сердца, полные благодарности.

— Барклая армия ненавидит, — сказал Александр.

— Ненавидят немцев. Русские всегда спешат умереть, а твои немцы не дают им быть такими скорыми.

— Но кого поставить? Генералов-героев? Багратиона? Он не уступит поле боя, покуда у него останется хоть один солдат. Раевского? Ты слышала — сей герой попёр на пушки с обоими сыновьями, а младшему — одиннадцать! Остермана?! Точно такой же. Его любимая команда: «Стоять». Это когда по каре бьют картечью.

Оба подумали о Кутузове и промолчали.

— Ты поступил мудро, покинув армию.

Александр улыбнулся виновато, горькая складка обозначилась под нижней губою:

— Мудрец — мой ритор. Мой дубоватый Шишков.

Екатерина Павловна вдруг рассмеялась.

— Твой дар оценят через века. Когда-нибудь из миллиона возможностей единственную будут высчитывать машины — оракулы времён грядущих. Но ты, имея перед собой наилучшее, выбираешь изумительной интуицией своей вернейшее. Всем понятно: Государственным секретарём должен быть блистательный Карамзин. Ты тоже в этом убеждён! И отдаёшь должность — смешному, глупому Шишкову. И что же! Всякий манифест, сочинённый этой ходячей древностью — возбуждает в твоих подданных чувство любви к тебе, стремление идти и победить.

— То, что нынче я с тобою — старания, и весьма отважные, нашего адмирала. Он написал

письмо, где обосновал: государь в грозный час для Отечества должен быть опорой всему народу. Настойчивый старик. Подсылал ко мне Аракчеева, подсылал Балашова. Три подписи под его пространным посланием.

Екатерина Павловна смотрела на Александра чуть покровительственно, и были в её взгляде недоумение и вопрос.

Он положил руку себе на грудь. И вдруг поцеловал её височество в височек.

— Адмирал думает, его взяла! А моё смирение вот где, — и, не отрывая глаза от глаз Екатерины, продекламировал: — «Ради Бога, не поддавайтесь желанию командовать самому!.. Не теряя времени, надо назначить командующего, в которого бы верило войско, а в этом отношении Вы не внушаете никакого доверия!»

Память у него была потрясающая.

Он достал из потайного нагрудного кармана её письмо. Екатерина Павловна побледнела, порозовела, реснички у неё захлопали:

— Ваше величество! Любовь, одна любовь — движитель моей дерзости.

Он опустился на колени перед нею.

— Господи! Не карай Россию за грех любви моей.

Она ласкала его волосы, до трагивалась пальчиком до бровей, до губ.

— Ты была жестока, но права. В Москве, когда я сходил с

Кремлёвской лестницы, полы моего мундира были зацелованы до мокроты. И не то дорого, что мне кричали: «Ангел ты наш!» Катенька, это надо было пережить: они обнимались, совершенно чужие друг другу. Они целовали друг друга. Они любили друг друга — меня ради.

Екатерина Павловна отёрла платком испарину на его божественно прекрасном челе.

— Катенька! Этой любви нужно быть достойным. А у нас — Боже Ты мой... Наполеон идёт на Москву, потому что до Москвы пятнадцать переходов. И не идёт на Петербург, ибо переходов двадцать девять...

— Ты победишь его! — Екатерина Павловна поднялась.

— Подожди! — Он смотрел и смотрел в её глаза. — Ты веришь в мою победу?

Её лицо просияло. И он вдруг спросил, краснея:

— Нет ли у тебя какого старца?..

Екатерина Павловна нахмурилась. Поняла и не приняла. Заглядывать в будущее царям пристало, но это — малодушие.

— Есть баба.

У бабы были за час до полуночи. Не монастырь, не скит. Справный крестьянский дом. Пахнущие чистотою полы, половик через горницу. В углу иконы, освещённые лампадой. Под иконами — баба. О таких русские говорят: яблочко наливное.

— Генерала привела? — спросила баба Екатерину Павловну.

— Царя.

— Ишь ты!

Взяла с угла свечу, зажгла от лампы, поднесла к лицу Александра и всё поднимала, поднимала, вытянувши руки, привставши наконец на цыпочки. Вдруг попросила:

— Ты опустишь чуток. Уж больно подняло-то тебя! — и головой покачала. — Глаз моих не хватает лица твоего углядеть. Ну, да ладно! Чему быть — не миновать.

Поставила свечу к иконе Спаса, села, опустила голову.

Екатерина Павловна нашла руку брата, пожалала, повела за собой.

— Сумасшедшая? — спросил уже в коляске.

— О нет! — и быстро поцеловала брату руку.

Александр Семёнович Шишков выехал из Твери в одно время с государём. Однако ж в гонках участия не принял, приехал на сутки позже, 23 июля.

Тише едешь — больше видишь. Дни стояли жаркие, ясные. И два облака, одинокие на огромном небе, привлекли внимание путника.

Одно облако на удивленье было похоже на рака. Усатая голова, членистое тело, раздвоенный хвост, лапы и разверстые клешни. Другое облако, наплывавшее на небесного рака, было ещё более причудливое,

прямо-таки дракон. Дракон догнал рака, изогнулся — напасть, поглотить. Но рачья клешня отхватила вдруг драчуну голову. Облако-дракон побледнело, расплозлось, растаяло.

Тут Александра Семёновича осенило радостно: рак не иначе, как символ России. И там, и там — «р». К тому же рак пята, и войско русское пята.

С лёгкою душой катил Государственный секретарь в стольный Петербург: знамение о схватке с драконом было ему утешительно.

Светлость

Чиновный Петербург встретил Александра с лёгким сердцем. Истинное дело чиновника и особенно царедворца — радовать государя.

Было чем! Под Клястицами граф Витгенштейн разбил корпус маршала Удино. Опасность немедленного нападения французов на Петербург стала призрачной. Наполеон, спасая Удино от полного разгрома, прислал на помощь корпус баварцев под командой маршала Сен-Сира. Оторвал от своей армии, шедшей к Смоленску, тринадцать тысяч солдат!

Удивил Александра и старец Кутузов. Назначенный командовать после армии гарнизоном — не оскорбился умалением в должности, но действовал с таким рвением, что из разрозненных частей создал боеспособный

корпус; а избранный начальником ополчения не токмо удивил числом, призвав под ружьё 29 420 человек, но обучил вчерашних мужиков азам военной науки, вооружил, обеспечил провиантом, лошадьми, построил в батальоны, названные дружинами.

Александр был на учениях ратников и, видя достаточную готовность оных, приказал направить корпус на усиление Витгенштейна.

Уже через несколько недель ратники от сохи выказали в сражениях под Полоцком природную русскую храбрость и крепко побили солдат, французов и баварцев, закалённых в походах, знавших победы во многих сражениях.

Вернувшись после инспекции ополчения на Каменный остров, Александр повелел Государственному секретарю подготовить две бумаги. Первая — благоволение императорского величества Кутузову и его сотрудникам по Устроительному комитету. Вторая — указ Сенату о возведении генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова за добытый мир с Оттоманской империей, с потомством, в княжеское Всероссийской империи достоинство, с присовокуплением титула светлости, с правом присутствовать в Государственном Совете.

Александр Семёнович с радостью повёз указ в Сенат и нашёл там Кутузова заседающим в гражданской палате.

Михаил Илларионович поставил перед властями вопрос о

сохранении казённых запасов хлеба. В случае военной угрозы предлагал сплавить хлеб по Волге в губернии, далёкие от театра войны.

Шишков огласил указ и первым приветствовал Михаила Илларионовича князем.

Все присутствующие в палате приняли высочайшую милость полководцу и дипломату со счастливым воодушевлением, ибо правда всё-таки есть на земле.

Вместе с поздравлениями посыпались вопросы. Спрашивали, какую оценку его светлость даёт победе Витгенштейна под Клястицами.

— Се, господа, есть полная победа! — ответил Кутузов. — Граф Витгенштейн сделал хорошо! Очень хорошо! Едва ли бы кто другой сделал лучше.

Коли генерал радуется удаче другого генерала, это большой генерал. Отрадно было слышать похвалы Кутузова.

Спрашивали, как избавиться от Наполеона.

— Да как иначе — побить! — Михаил Илларионович уж этак просто сказал сие, что иные задохнулись от благодарности душевной.

— Возможно ли?! — спрашивали люди реалистические. — Наполеон навёл на Россию всю Европу. Гений войны.

— По-русски с ним надо, — сказал Кутузов без тени сомнения. — Коли победить злодея невозможно, его надобно перехитрить.

Александр Семёнович после встречи с Кутузовым захотелось говорить с Державиным. Пора знатному пииту громыхнуть словом, аки грозою.

Примчался к сердечному другу, а Гавриил Романович в отъезде. Будучи новгородским дворянином, призван в Новгород.

Уже на другой день, 29 июля, когда указ о Кутузове вошёл в силу, Шишков составлял рескрипт Новгородскому ополчению, кое передавалось в ведение командующего корпусом Петербургской обороны.

Просматривая бумаги, относящиеся к Новгородскому дворянскому собранию, Александр Семёнович с удовольствием обнаружил следы участия Державина в делах ополчения.

Новгородцы поставили в Торопец за свой счёт сто пятьдесят тысяч четвертей муки, овса, круп. Набрали десять тысяч ратников, одели, накормили. Оставалось получить от правительства ружья и пушки.

Но Державин — он Державин. Через принца Георга Ольденбургского прислал государю письмо. Поминал о своём плане, представленном государю в 1806 году, в коем просил заблаговременно изготовиться к большой войне с Наполеоном, уверял, что сей завоеватель Россию в покое не оставит. План состоял из необходимых мер по защите Отечества. Неуёмный искатель правды с горечью напоминал государю, что его обещали призвать и

выслушать, но пренебрегли, сочли пламенные предупреждения о грядущих бедах — стихотворческой горячкою.

Укоризны его величеству в столь опасное для России время вряд ли были полезны. Попридержал письмо друга Александр Семёнович. Поберег.

Дела текущие

Узнавши об указе государя ещё 28-го, Михаил Илларионович дома о радости не сказал.

Но 29-го, когда указ был объявлен всенародно, взяв с собой дежурного полковника штаба Паисия Кайсарова, поехал доложить Екатерине Ильиничне, что отныне она, их дочери, внуки и внучки — князя, княгини, княжны, светлости. История Российской державы.

По дороге Михаил Илларионович был весел.

— Как славно, друг ты мой, Кайсаров, что сыскал я тебя, получил твоё согласие служить в ополчении, мужиками командовать.

— А кто народ? — улыбался Паисий. — Разве не мужики, ваша светлость?

— Ты про светлость почаще мне говори. С непривычки подумая, к кому другому обращаешься.

— Быть нужным Кутузову — то же, что быть нужным России! — чуть посмеиваясь, но глаза-то серьёзные, сказал Паисий.

— Уж не знаю, кого ты похвалил больше, меня или себя? — засмеялся Михаил Илларионович и ворчливо, но ласково прибавил: — О чём хочу сказать-то... Паисий Кайсаров всего третий день на службе, а я уже отхватил благоволение его величества, титул князя, чин командующего Новгородским ополчением!

Оба хохотали, тихонько, но уж этак товарищески: всю Молдавскую кампанию были бок о бок.

Заехали в церковь, пригласили священника — молебен благодарственный отслужить в доме их светлости.

Александр Семёнович Шишков видел — государю не по себе. Уж больно дружной радостью встретили в свете, не говоря о базарных площадях, царские милости Кутузову.

Какой-нибудь Тыртов — начальник ополчения, и Кутузов — начальник ополчения. А ещё надобно поспешить с ответом московскому дворянству. Москва избрала своим вождём опять-таки Кутузова. Кутузова в народе видят командующим ополчения вся России.

О таких предметах искать решений у советников неприлично.

И 31 июля Александр подписал сочинённый Шишковым рескрипт Кутузову о поручении ему командования всеми сухопутными и морскими силами Петербурга, Кронштадта и Финляндии.

Устраняя возможные трения между сухопутным генералом и адмиралами, в рескрипт Шишков вставил важную для дела оговорку, с коей государь согласился. О морских силах было сказано: «...Дабы Вы, имея оные в единственной своей команде, могли в случае надобности употреблять и соединять оные, имея в то же время наблюдение, дабы распоряжения Ваши о морских войсках деланные, были не иначе, как по сношению с морским министром, дабы предписания Ваши не были вопреки делаемым им распоряжений».

Свет принял указ и рескрипт с насмешкой. Один сановник писал другому: «Кутузова сделали светлейшим, да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы желала видеть его с титулом генералиссимуса. Все уверены, что когда он примет главное начальство над армиями, так всякая позиция очутится для русского солдата превосходною. Продлят козни — так и Бог от нас отступится».

Сам Михаил Илларионович титулом светлости ничуть не обольстился, новое назначение принял спокойно. Не до чувств! Дела большие и малые в очередь.

У Горчакова запрашивал тысячу пар пистолетов.

Искал и находил казармы и конюшни...

Благодарил духовенство: внесли в армейскую казну семьсот пятьдесят тысяч рублей.

Собирал данные о запасах

продовольствия. Торопил сборщиков. Армию прежде всего кормить надобно. В Вышнем Волочке сделали хлебный запас в 138 470 четвертей, в Твери вдвое меньше — 72 092 четверти.

Посылал курьера в Нарву с приказом собрать под команду коменданта крепости все частные обывательские суда на реке Нарве, на Чудском озере, «дабы неприятель при случае ими не воспользовался».

Представил государю прошение: все штаб- и обер-офицеры ополчения должны получать награды за храбрость и мужество противу неприятеля точно такие же, какие определены в армиях действующих. Увечные офицеры получают от государя чин или орден и приличную по смерти пенсию.

Шишков обрадовал. Прислал копию письма шведского принца, коим был отправленный на пенсию Наполеоном маршал князь Понте-Корво Бернадот. Принц-маршал утешал императора Александра в неудачном ведении войны с Наполеоном. «Возможно, что он выиграет первое сражение, потом второе и даже третье, — предрекал человек, знающий силу и слабости гения войны. — Исход четвертого будет неопределённым. Однако если Ваше Величество проявит стойкость, то оно, несомненно, выиграет пятое!»

— Ну что, Паисий? — Михаил Илларионович прищурил здоровый глаз. — Есть ли нам резон проигрывать три битвы кряду?

— Согласен на неопределённую, а потом разметать его — по косточкам, по кусочкам! — Полковник озорно щёлкнул кабелями.

— Я вот о чём думаю. Бернадот нам не враг. А коли сие истинно, мы можем взять корпус, стоящий в Финляндии, и отправить на подкрепление Витгенштейну. Это надолго успокоит Удино и Сен-Сира. Садись, Кайсаров, пиши письмо государю.

Письмо передали через Шишкова, и Александр совет принял. Корпус — одиннадцать тысяч солдат — пошёл к Дриссе, где стоял, заперев французов в Полоцке, граф Витгенштейн.

Их величества, их высочества

Александр приехал в Павловский дворец по настоящему приглашению вдовствующей императрицы.

Зелёное царство, недвижимые зеркала прудов, ослепительно синее небо — повеяло юностью. И пришлось перебороть в себе омерзительную досаду на происходящее в России. На проклятый Тильзит, на собственные глупости — демонстрировал Европе свою миролюбивость, когда Европа — Наполеон.

Он направился в кабинет матушки, но его провели в Старую гостиную.

Императрица сидела в лёгком кресле у шахматного столика.

Во всю стену gobelen «Азия» с леопардом, напавшим на пре-красного коня. Великолепное зеркало в раме светлого золота, золотистые полы, потолок голубой, с белым, прочерченным золотом орнаментом.

Мария Фёдоровна, не поднимаясь с кресла, подставила щёку для поцелуя, указала на тронный стул.

— Матушка! — улыбнулся Александр. — Я помню, кто я.

Сел напротив, на свету, как ей хотелось, но на стул попроще.

Она видела на его лице утомление, но не пощадила:

— Не пора ли Вам назначить мне и Вашим юным братьям место, вполне безопасное для укрытия?

Вопрос укол, но Александр улыбнулся обезоруживающе.

— Петербургу ничто не угрожает. Маршал Удино о наступлении даже мечтать не смеет. Наш славный Витгенштейн отогнал французов к Полоцку. Тормазов в Кобрине пленил две тысячи солдат Саксонии. Австрийцы под водительством Шварценберга после нескольких стычек отошли к Стыри, это река, — и бездействуют.

— Но Барклай де Толли? Ты всё ещё доверяешь этому умельцу убежать от врага?

Александр положил перед матушкой листовку, напечатанную Андреем Кайсаровым. Это было открытое письмо командующего двумя армиями губернатору Смоленска.

— Прочитайте отчёркнутое.

Мария Фёдоровна поднесла листок к глазам, прочитала вслух:

— «Уверяю Вас, что городу Смоленску не предстоит ещё ни малейшей опасности, и невероятно, чтоб оный ею угрожаем был... Вы видите из сего, что Вы имее-те совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто за-щищаем двумя столь храбрыми войсками, тот может быть уверен в победе их!» — Глянула на сына. — Обывателей сия афишка, напи-санная дурным русским языком, возможно, успокоит, верите ли Вы двум армиям, столь беззаботно утратившим завоевания великих государей Российской империи?

— Я убеждён в конечной по-беде! — Александр выдержал ма-теринский взгляд.

— В конечной? Упovаете на русского Бога?.. Святейший Па-триарх Гермоген, я думаю, мо-лился истово, сидя в Кремлёвской тюрьме, а его уморили голодом.

Александр молчал. Четверть часа этакой беседы ввергли его в изнеможение.

— Вас очень ждут ваши бра-тья, — сказала Мария Фёдоров-на, отпуская сына.

Их высочества Николай и Михаил были в комнате воен-ных игр.

Николай изросся, подурнел. Ноги и руки, как у соломенного человека. Михаил тоже под-рос, но именно подросток. Само очарование.

«Керубино», — улыбнулся про себя Александр.

Комната, с рельефом из па-пье-маше, была заставлена сол-датиками.

— Каталаунская битва, — объ-яснил Николай. — Мы читали об Аттиле.

— Сегодня дежурит наш див-ный Ушаков. Он дал нам полдня, — сказал Михаил.

— Каталаунская? Очень же-стокая, сколь помню.

— Величайшая в истории! Полмиллиона на полмиллиона. — У Николая глаза блестели, но смотрел на государя с недоуме-нием. Не знать Каталаунскую битву? Возле Орлеана сошлись гунны Аттилы и римляне Аэция Флавия.

— Всё это великолепие, — Александр показал на солдати-ков, — подарил вашему дедушке граф Ростопчин.

— Ростопчин? Мы читали его Корнюшку Чихрина! — вспомнил Михаил. — Смешно.

— Кто у вас кто?

— Аттила — он, конечно! — Михаил кивнул на брата. — Вот мои римские когорты. Это вест-готы короля Теодорика. Здесь галльские аланы Сангибана. От-ряды бургундцев, франков, в за-саде веныды Поморья.

— Посмотрим гуннов. — Алек-сандр взял Николая за локоть.

Тот показывал кавалерий-ским хлыстом:

— Это всё остготы. Отряды Велемира, Тотмира, Видимира. Король Ардарик с гепидами. Дружины герулов, свевов. Это рути, хазары...

— Славяне! — узнал Александр. — Я смотрю, Теодорик уже повержен?

— Сражён стрелой Андакса! — поднял одного из воинов Николай. — Андакс — остгот.

— Расстройства в войсках вестготов не было! — Михаил тоже поднял солдата с короной на голове. — Это Торисмунд, сын Теодорика. Его провозгласили королём на поле боя.

— Ему тоже досталось! — усмехнулся Николай. — Получил рану, бродил ночью среди мёртвых тел.

— А твой Аттила?! — крикнул Михаил. — Вестготы загнали Аттилу в табор, и он собирался заколоть себя мечом.

— В истории написано: победил Аэций. Но, ваше величество! — У Николая ноздри гневно раздулись. — Что же это за победа? Сам Аэций с остатками когорт бежал с поля боя! Бежал Торисмунд. Причём отправил Аттиле в заложники своего племянника. Франки дали в заложники Хагена, князя Трощкого...

Александр вздохнул, тяжело, устало:

— Писания историков такая же неправда, как и сама политика.

— Карамзин пишет неправду?! — Николай глаза вытаращил.

— Карамзин — человек чести. Но он — русский. Он — любит русских, любит Россию...

— Как жалко Кульнева! — Николай даже рукой взмахнул. — Его сразила пуля?!

— Он повёл свой гусарский

полк на конницу французов. Сражался и получил саблей по горлу. Спасти его было невозможно.

— Ваше величество! Вы наградили генерала от кавалерии Торماسова Георгием II степени... — Михаил замылся, не зная, как спросить, так ли велика заслуга командующего 3-й армией.

— К ордену мною дадено пятьдесят тысяч, — сказал Александр. — Тормасов уничтожил отряд генерала Клингеля. Две тысячи из четырёх сдались в плен. Для столь чудовищной войны победа небольшая, но враг не только потерял дивизию. Генерал Шварценберг, а он принуждён политикою служить Наполеону, прекратил наступление. Австрия, таким образом, хотя и участвует в войне на стороне Наполеона, но не воюет!.. — Вдруг зевнул, ещё раз зевнул, виновато улыбнулся. — Родные мои, мне пора на галерею. Я на этой галереи и кормщик, и гребец, прикованный цепью.

Засмеялся своей невесёлой шутке. Николай шагнул к брату.

— Ваше величество! — задохнулся от волнения.

Александр покачал головой.

— Вам только шестнадцать. Вы оба матушкины. Обещаю, через год вы будете мои.

Николай даже зажмурился, чтобы смолчать, и всё-таки сказал:

— Ваше величество, я из пушки на двести саженой поражаю четыре мишени из пяти.

— Через год вы будете мои, — повторил государь.

И быстро вышел.

— Война будет долгой, — сказал Михаил.

— Мы могли бы сражаться за Смоленск. За твердыню русской земли.

В голосе Николая дрожали слёзы.

Пловец

Когда божески прекрасное, любовью рождённое невозможно, Бога отстраняют.

Время молитв для Василия Андреевича осталось в прошлом. Он молился, заранее благодарный, молился с неумирающей надеждой, с верой, что всё, что есть в нём и в Маше бесхитростного, беспомощно детского — защитит, спасёт.

«Господи! Сделай по-нашему! — молился Василий Андреевич. — Мы просим о соединении сердец».

Были молитвы отчаянья, когда душа вскрикивала от боли: «Господи! Господи!»

Были молитвы в никуда. С глазами сухими, с пустой грудью.

Время текло, да не лечило. Приходили стихи. Стихи во славу любви — это ведь тоже молитвы.

Теперь они остались один на один: Екатерина Афанасьевна и Василий Андреевич. О милосердии всё сказано, о жестокости говорить не надобно. Екатерина Афанасьевна знает, сколь она жестока, но права. Дивный пастьер митрополит Московский

Филарет принял сторону любви: разрешил брак, но на стороне Екатерины Афанасьевны тысячелетний закон предания. Машенька — племянница Васеньке. Пусть только по одной линии, отцовской, но родня самая близкая. Несчастный пытался загораживаться от правды щитом канцелярщины, но что они, человеческие ухищрения? Правда крови для Бога — правда.

Третьего августа Василий Андреевич был в Черни. Приехал на день рождения Александра Алексеевича Плещеева. Как вставал рано, так и гостем был ранним. Не обременяя хозяев, едва только пробудившихся, занятых последними приготовлениями праздника, отправился на речку Нутрь. На воду поглядеть.

С Александром Алексеевичем обнялся, вручил ему подарок — часы с фигурой русского витязя, циферблат был ему щитом, — и перекинулся словечком о положении русских армий.

— Ундино побили, но Кульнев сражался, как лев.

— Кульнев — первая ласточка наших грядущих побед. — Плещеев посмотрел в глаза другу. — Ты всё-таки едешь.

— Хочу поспеть в Москву раньше Наполеона. Пойду прогуляю.

В Москве о вторжении Наполеона узнали 24 июня, через двенадцать дней.

В Муратове ещё дней через пять, когда 1-я Западная армия и царь уже стояли в Дрисском

лагере, в капкане, для самих себя устроенном. Теперь сведения приходили куда быстрее, и не потому, что курьеры скакали прыгче: расстояния сокращались.

На террасе, на столе лежали срезанные ради праздника розы. Анна Ивановна расцеловала Василия Андреевича. Одарила самым прекрасным цветком и прочитала:

*— Раз в Крещенский вечерок
Девушки гадали:*

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали.

На дороге снежный прах;

Мчит, как будто на крылах,

Санки, кони рьяны;

Ближе; вот уж у ворот;

*Статный гость к крыльцу
идёт...*

Кто?.. Жених Светланы.

— Васенька! Драгоценный ты наш! Чудес на белом свете люди насчитали семь. В русской литературе твоя «Светлана» чудо пока что — первое.

— Побойся Бога!

— Друг мой! Идёт война, а все помещики, соседи наши — кто грамотен — читают наизусть твою поэму.

— Спасибо за розу. Поставь её отдельно.

— Пошли завтракать.

— Я на реку. На Нугре так хорошо всегда.

Беседка была пуста, но Василий Андреевич прошёл мимо и сел на крестьянскую лавку — два столбушка и доска.

Всё изящное, изощрённое раздражало. Пришла пора быть русским. По жизни — русским, по слову — русским. Господи! Дай сыскать в себе и взлелеять русский дух! Всё это пронеслось в голове, и Василий Андреевич поморщился — лжеумничанье. Идёшь на войну — будь народом. Народ жив правдой. Народ живёт, बारे — жизнь свою выдумывают. Выдумывать — мозги нужны, а посему — обезьянничают.

Василий Андреевич опустил лицо в ладони; Господи, опять то же. Слова. Господи! Мы, просвещённые и просвещающие, — жить не умеем. Молиться не умеем.

Ему стало горько и стыдно. Решив идти в ополчение, на войну, он молился... Но каждую молитву приходилось повторять и повторять, ибо всякий раз уплывал мыслями: то Маша вставала перед глазами, то Екатерина Афанасьевна. Или же Сашка Тургенев, приславший письмо... Карамзин, благодушно тучный Пушкин... Даже Шишков! Старец теперь в армии, при государе.

И Василий Андреевич покраснел, вспомнив, что написал Пете Вяземскому: «Хочу окурить свою лиру порохом». Господи! Как стыдно!

Перед отъездом в Чернь открыл Библию, где открылось. Прочитал неутешительное. Пророк Исайя рассказывал о Божьем повелении сбросить вретище с чресл, сандалии с ног. И, сделавши так, ходил три года нагой,

босой, и всё это было пророчеством: царь Ассирийский поведёт пленников из Египта, посрамляя Египет, молодых и старых, нагими и босыми.

Василий Андреевич испугался, перевернул страницу и прочитал о Дамаске: «Вот, Дамаск, исключается из числа городов и будет грудой развалин».

Гадать Василий Андреевич не собирался. Хотел прочитать на дорогу библейскую мудрость, чтоб о высоком думалось.

Смотрел за Нугрь. Русская земля. Быть ли ей Францией? Немыслимо! Точно так же и Франция вовеки не станет Россией... Вот ежели духом?... Господи, зачем России быть Францией, Третьим Римом? Зачем Господу Третий Рим, когда Он назначил России быть Россией!

Так и подскочил с лавки. Боже мой! Никуда не уйдёшь от себя. Опять в голове история, сравнения, сдвигения... Как же мужики-то ходят на войну? Оторвут от себя воющую бабу, разгребут выводок детишек — и пошли. За землю Русскую.

Возле господского дома к нему кинулась, расцеловала солнцевласая Сашенька. Ей это было позволено... Екатерина Афанасьевна с Машей... за руку стояли возле крыльца и смотрели на Василия Андреевича. Машенька совершенно погасшая, Екатерина Афанасьевна — непроницаемая, как судьба.

Затрубили трубы, из парка на дивных рысках выехали

гарольды, явился рыцарь. В кирасирской каске, но одетый в рыцарскую сеть. Праздник начался.

Война ахала орудийными залпами, но от Петербурга, от Москвы, тем более от Черни, Муратова, Белёва — была невообразимо далеко. Всё равно, что турецкая.

Говорить говорили: Наполеон, нашествие Европы. Армии разделены. А всё же, пусть отступая, побеждаем. Витгенштейн побил Удино. Блистательно сражались и победили Платов, Пален.

Началось представление. Народное.

Плещев исполнил с крестьянами «Бой с врагом Божиим Наполеоном». Наполеону надавали пинков и подзатыльников на радость дворне и гостям.

Алёша и Саша Плещевы, как всегда, были при Жуковском, объявив себя его адъютантами.

— Ах, какое это несчастье, что я мал! — воскликнул Алёша, ему было двенадцать. — Ещё бы три годика, или даже два, и я бы сражался подле вас... В великом сражении мы бы спасли жизни друг другу.

Саша был моложе, но суровее:

— Василий Андреевич, надо так устроить, чтобы вы пробрались к Наполеону и кончили бы его. Я уверен, вопреки правилу, государь пожаловал бы вам орден Георгия Победоносца первой степени и чин капитана.

Отец возразил:

— Георгий первой степени — орден главнокомандующих. Что

же ты расщедрился на капитана? За уничтожение Наполеона не жалко и фельдмаршала.

Праздник продолжился в парадной зале. Чествование Александра Алексеевича начали концертом. Пела, как ангел, Анна Ивановна. Урождённая Чернышова, она была в ореоле дипломатических подвигов флигель-адъютанта государя, родного своего брата Александра Чернышова. Пел виновник торжества.

Василий Андреевич, когда входили в гостиную, увидел в вазе подаренную ему розу. Взял и, смалодушничав в последнее мгновенье, вручил Саше. Но пришёл черёд его номера.

Александр Алексеевич написал к его «Пловцу» музыку. Композитор за рояль, автор слов к роялю. Бурный каскад звуков, изобразивших бушующее море. Пауза. Ласковое прищёпыванье волн и бархат баритона пловца:

— *Вдруг — всё тихо!*
мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трёх ангелов небес.

Василий Андреевич смотрел, сияя карими, молящими глазами на Екатерину Афанасьевну и на её дочерей.

И уже только Саше и... с бесконечной мукою к Машеньке:

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать,
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать...

И заплакал. Безмолвно, но слёзы катились по его лицу. Гости встрепнулись, быстрые взгляды на белую, как полотно, Машу, на величавый столп — Екатерину Афанасьевну.

Властная дура — все властные в конечном-то счёте дураки — поднялась с места, дочерей за руки и, швыряя ногами длинное, ставшее помехою платье, вышла из залы. Тотчас в экипаж, укатила. Все окружили Жуковского. Знали его трагедию.

— Спасибо, господа! — сказал он, не стыдась сочувствия. — Спасибо, господа! Война — лучший лекарь от сердечных ран.

Через вой

Рыцарь Гюон отправился на войну с оруженосцами. Оруженосцы пребывали в счастливом волнении: наконец-то обыденная жизнь сорвана со своих вечных цепей и, будто корабль, плывёт в неведомое, в великое, в славное.

С Василием Андреевичем Жуковским в Москву отправились его верные товарищи по играм в Мишенском Авдотья Петровна Киреевская с сёстрами Анной и Екатериной.

Не могли наглядеться на Васеньку. К тому же героя красила его печаль.

— Рыцари, слава Богу, не перевелись! — вырвалось у Авдотьи Петровны.

— Дуня! Какие рыцари, когда в мир пришёл Наполеон!

— Жуковского огорчало высокословье.

— Но давно ли молодое дворянство, сам государь были в восторге от Наполеона? Корсика для Франции ещё меньше значит, чем Тула для Петербурга, но корсиканец — император. Даже не Франции — Европы.

— И весь мир внимает слову тирана, — продолжил Василий Андреевич и посмотрел Авдотье Петровне в глаза. — Ради чего пожирает корсиканец государство за государством? Ради свободы, равенства, братства, как учила его революция? Только ради себя. А что это такое — «ради себя»?.. Пруссию не съешь, в Италию не оденешься, не напаялишь на голову Австрию... Ради славы!.. Будут писать истории, поставят памятники, напечатают тысячи портретов. Неужели это и есть высшее в предназначении человека? А подумай об оружии Наполеона? Шпага, пушки, дивизии?.. Прежде всего ложь. Он наводняет страны, на которые нацелился, шпионами. У него множество газет, созданных только для того, чтобы лгать.

— Тебе надо в Штабе служить! — решила Авдотья Петровна.

Остановились в большом селе напоить, накормить лошадей, отдохнуть от дорожной тряски.

Вдруг — вой. Невыносимо страшный, невыносимо нескончаемый.

— Кого-то убили?! — ужаснулась Анна, а Екатерина схватила Василия Андреевича за руки:

— Надо что-то сделать, только не ходи в одиночку!

Быть спасителем не пришлось.

С крестьянского двора вышла странная толпа. Мужик, одетый в армяк — уезжает, стало быть, — жена, дети, домочадцы. Выла жена. Перебивая вой, выхватывала то одного дитяню, то другого. Поднимала, тыкала личиком в лицо их батюшки:

— Цалуй! Ца-а-алуй! Бог помилует цалованного младенцем.

Хозяин постоялого двора сказал:

— На войну мужиков гонят.

Поспешили отбыть, но дорога шла посреди села, и ехали через бабий вой, от которого каждая клеточка в теле дрожала.

— А ты говоришь — рыцарство, — сказал Авдотье Василий Андреевич. — На смерть отправляют. Будет Господь милостив, воротятся кто без ноги, кто без руки... Современная война убивает и калечит издали: гранаты, ядра, пули... Вот только было ли гуманнее, когда резали друг друга. До победы.

Совместный поход был недолгим. Сёстры задержались в Туле, а Жуковский покотил навстречу судьбе, имея в поводу добрую верховую лошадь.

Сестрицы отправлялись в Москву тоже отнюдь не праздности ради. Василий Иванович Киреевский поручал супруге вникнуть в положение и привезти прогноз, что ждать, как будут развиваться события, каким образом разумнее приготовиться к

неминуемому нашествию Наполеона на Москву.

Москва под водительством Ростопчина выглядела ужасно героической и бестолковой.

Жуковского удивило: едва он въехал в город, мужики в армяках — должно быть, извозчики — окружили как бы ненароком его коляску, а предводитель их, положив руку на вожжи, спросил:

— Откель, ваше благородие?

— Из Белёва.

— В ополчение?

— В ополчение.

— С Богом, барин!

Расступились, но кто-то из мужиков сунул Василию Андреевичу напечатанную крупными буквами афишку:

— Почитай нам.

Пришлось встать в коляске.

— «Слава Богу, всё у нас в Москве хорошо и спокойно! Хлеб не дорожает и мясо дешевет...»

— Без обману! — согласились мужики.

— Главнокомандующий! Сам Ростопчин! — уважительно сказал заводила.

— «Одного всем хочется, чтоб злодея побить, и то будет. Станем Богу молиться, да воинов снаряжать, да в армию их отправлять. А за нас перед Богом заступники Божия Матерь и московские чудотворцы; перед светом — милосердный государь наш Александр Павлович, а перед супостаты — христоролюбивое войско, а чтоб скорее дело решить, государю угодить и Наполеону насолить,

то должно иметь послушание, усердие и веру к словам начальников, и они рады с вами жить и умереть». — Василий Андреевич дочитал наконец до точки и перехватил грудью воздуха.

— Дело говорит?! — спросил заводила поручика, он, мужик, знал: всё правильно сказано.

— А ещё-то есть чего читать? — кричали те, что были дальше.

Василий Андреевич снова поднёс афишку к глазам:

— «Когда дело делать, я с вами, на войну идти — перед вами, а отдыхать — за вами».

— Московской земли человек! — восхитился Ростопчиным один из армяков.

— Чти, ваше благородие! Чти!

— «Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы её отдуем; всё перемелется — мука будет!»

— Перемелем! В муку сотрём ихнего Бонапарте! — восторженно провозгласил заводила.

— Чти! Чти! — кричали Василию Андреевичу.

— «А берегись одного: пьяниц да дураков; они распустят уши, шатаются да и другим в уши врасплох надувают. Иной вздумает, что Наполеон за добром идёт, а его дела кожу драть; обещает всё, а выйдет — ничего. Солдатам сулит фельдмаршалство, нищим — золотые горы, народу — свободу; а всех ловит за виски да в тиски и пошлёт на смерть: убьют либо там, либо тут. И для сего прошу: если кто из наших, или из чужих станет его выхвалять и сулить, и то, и другое, то какой бы он ни был, за хохол, да на съезжую».

Тут Василий Андреевич удивился:

— Неужто есть такие, кто Наполеона хвалит?

— Барин, а шпионы на что? Как крысы рыщут! Чти, коли есть чего.

— «Тот, кто возьмёт — тому честь, слава и награда, а кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть пяти пядей будет во лбу; мне на это власть дана; и государь изволил приказать беречь матушку Москву, а кому же беречь мать, как не деткам! Ей-Богу, братцы, государь на вас, как на Кремль, надеется, а я за вас присягнуть готов. Не введите в слово. А я верный слуга царский, русский барин и православный христианин. Вот моя и молитва: «Господи, Царю Небесный! Продли дни благочестивого земного царя нашего. Продли благодать Твою на православную Россию, продли мужество христоролюбивого воинства, продли верность и любовь к Отечеству православного русского народа! Направь стопы воинов на гибель врагов, просвети и укрепи их силою Животворящего Креста, чело их сохраняющая и сим знамением победиша!»

Молитву слушали, скинув шапки. Дослушав, расступились. Как свой въехал в Москву поручик Жуковский.

Московские толки

Николай Михайлович Карамзин был зван отобедать у

Ростопчина. Трапезу с главным командующим Москвы и с государевым историком разделили князь Юсупов и Сергей Глинка, хозяин и редактор журнала «Русский вестник», поэт, сочинитель патриотических пьес, голова, пламенеющая от государственных забот, и великий выдумщик.

Майор в отставке, Глинка с 1807 года был в Московском ополчении и теперь явился к Ростопчину с запискою «О лесном вооружении». Создать сие «вооружение», по мысли прожектёра, надобно прежде всего в смоленских лесах и во всех прочих до самой Москвы. В лесные дружины предлагал набирать помещичьих псарей, ловчих, стрелков. Днём они должны были отсиживаться в лесах, а по ночам стремглав набегать на тылы и фланги Наполеоновской армии.

Ростопчин решал дела с лёта. По великой занятости прочитал записку уже за столом.

— Жду завтра. Явитесь за подорожной. — И признался гостям: — Боюсь повального бегства дворян из Москвы. Народное возмущение страшнее Наполеона. Умудрись Наполеон освобождать крестьян от крепостной зависимости — вся Россия зашатается. Моё главное теперь дело: обеспечить удаление дворян из уездов. Удалить причину и, так сказать, образ ненависти.

— Но наш народ не приемлет нашествия! — воскликнул Глинка.

— Сергей Николаевич! Фуржиров Наполеона крестьяне

лупят, потому что это враги, грабители, но, отведав крови, добрые молодцы обращают взоры и на своих господ. Не токмо смотрят насупясь, но убивают...

— Граф, не пугайте! — твёрдо сказал Юсупов. — Если злое случается, то подобное всегда было и будет. Злом наказывают зло... Давайте о чём-нибудь не столь близком, ибо близкое — война, а война — это война. Я ведь на сию чуму поспел из благословенной Италии. И знаете, что мне довелось видеть во Флоренции перед самым отъездом? Доверительную грамоту епископу Исидору на Флорентийском соборе!

— Документ измены! — воскликнул горячий Глинка.

— Ну, почему же измены? Попытки примирения православия с католичеством.

— Примирение предполагает равенство сторон! — Глинка вызывал недоумение своей независимостью, своей показной свободой: быть равным в кругу особ сиятельных. Разил Юсупова без зазрения совести. — Князь! Беда в том, что Исидор принял верховенство папы, подставил шею под хомут догматов, противных православию. Рассуждая о смуте, не должно забывать о раскрытой щучьей пасти католического Рима. Сия щука так бы и проглотила русский народ.

— Ваша пламенность замечательна, но она же доводит вас, милейший Сергей Николаевич, до казусов, — сказал Ростопчин, защищая Юсупова.

— Вы имеете в виду, Фёдор Васильевич, происшедшее в Дворянском собрании?

— Вот именно! Мне передавали, и подробнее: ваша речь была сам огонь, покуда с вашего, потерявшего контроль языка, не сорвалось предсказанье о том, что Москва будет сдана злодею.

— Я сказал: «Мы не должны ужасаться: Москва будет сдана». И я привёл причины: отсутствие природной, а также инженерной преграды сильному неприятелю. Обратимся, господа, к историку. Николай Михайлович! Разве я не прав, утверждая: из отечественных летописей явствует — Москва вечная страдальца за Россию. И вот третий мой довод: сдача Москвы будет спасением России и Европы. Мою речь прервал ваш приход, граф. Именно после моей речи было решено выставить в ратники десятого.

— Но кто вам сказал, что Москву сдадут? Я, главнокомандующий, генерал-губернатор древней столицы России, этого не говорил! Может быть, вы списывались с Барклаем де Толли? Господи! Не государь ли присылал вам нарочного с предложением объявить сие перед самым своим приездом в наш дивный град? — Глаза Ростопчина потемнели. — Пока что я выслал из Москвы Ключарёва и Дружинина — обожателей Сперанского и, стало быть, кумирню Наполеонову.

Сказано было жёстко и откровенно. За столом воцарилась тишина.

— Будет Наполеон в Москве, или его побьют, но я отправил семейство и один список «Истории государства Российского» в Ярославль, — объявил Карамзин.

— Если бы не отправили, я о том просил бы вас уже сегодня! — весело откликнулся Ростопчин. — Сокровища Оружейной палаты, Государственный архив непозволительно подвергать опасности утраты, ежели подобная угроза возможна даже в десятой доле. И, скажите, кому Ростопчин запретил покинуть Москву? Но, господа! Бережёного Бог бережёт... Мною запрещается одно: производить панику.

Поднял бокал с вином, чокнулся прежде всего с Глинкой:

— За твоё предприятие, партизан! Но полезная сия мысль не должна стать главенствующей в сражениях с Наполеоном... В партизанстве есть нечто от русского юродства. Пусть нас завоюют, а мы, притворно покорясь, будем убивать французов в тёмных улицах, резать сонными, грабить их обозы, уничтожать фуражиров. Николай Михайлович! Что же вы молчите? Один я нынче говорун. Что сказали бы пращурь, окажись в нашем положении?

На лице Карамзина печать нездоровья, но говорил горячо:

— Евпатий Коловрат слов по себе не оставил, но хан Батый горевал, что сей русич — не монгол. Святой князь Александр Невский, бивший шведов и немцев, героическому истреблению

собственного народа предпочёл братание с предводителями нашего плена. Увы! Чтобы перетерпеть Батыев плен, потребовалось две с половиной сотни лет. Сегодня другое. На нас пришли не тьмы неведомого народа, но сотни тысяч солдат. Они не ведают, зачем здесь. Это неведение станет одной из основных причин их гибели.

— Николай Михайлович, а вы знаете, что Жуковский в Москве? — спросил Ростопчин.

— Первый раз слышу!

— Истинный патриот. Сначала о Родине, потом о друзьях. Прибыл и сразу — в Комитет ополчения. Зачислен в Первый полк к Мамонову.

— Я запишусь в последний, — сказал Карамзин. — Буду среди тех, кто хоть на что-то сойдётся.

По гостям

Москва, встретив и проводив царя, то ли по инерции, то ли наперекор несчастию, закатывала сумасшедше щедрые обеды и ужины.

По дороге в Петровское, куда была звана «вся Москва», Вяземский и Жуковский заехали к Николаю Михайловичу. Он был им рад.

— Вот моя кручина! — повёл рукою по стеллажам с книгами. — Чтобы это вывезти — нужен обоз. С Виельгорских за девять подвод взяли чуть ли не пятьсот рублей. И это от Москвы до имения — не более тридцати

вёрст. Переправить библиотеку в Ярославль или в Арзамас, где у меня деревенька, — просто денег таких нет.

— Может, обойдётся? Витгенштейн прямо-таки разгромил французов! — утешил Вяземский. — Платов имел успех...

— А Наполеон идёт себе, и никто точно не скажет, где он нынче. В Витебске, в Могилёве, в Орше? Скорее всего, и в Витебске, и в Орше с Могилёвом.

— Необходимо соединить армии. — Князь Пётр Андреевич повторял сие общее желание.

— Принесёт ли пользу соединение? — Карамзин поглядывал на Жуковского. — Платов по службе самый старший, а над ним и Барклай, и Багратион. Вся Москва об этом судачит, перебирая армейское начальство. Не токмо Платова и Багратиона, военный министр младше по старшинству ещё двенадцати генерал-лейтенантов. И каждому обидно... Надежда на Смоленск... Исконная крепость.

— Дюжина командующих в одной армии — это дюжина армий, — сказал Жуковский.

— Двоевластие губительно, — согласился Карамзин. — Государю надобно на что-то решиться. Фельдмаршалы — старики. Беннигсен? Багратион? Багратион чрезмерно горяч. Кутузов победил турок... Но ведь турок! И ему, и Беннигсену — под семьдесят. Тогда кто?

— Кого Бог даст, — сказал Жуковский и спросил о тревожащем:

— Николай Михайлович, а где рукопись вашей истории? Об этом нельзя не думать.

— Нельзя, — согласился Карамзин. — Один экземпляр я сдал в Иностранную коллегию Московского архива. Тут уж пусть государство позаботится. Другой в Остафьеве спрятал. Третий экземпляр уехал в Ярославль вместе с нашими супругами, — поклонился в сторону Вяземского. — Сколь будут хранимы наши семейства, столь и тома писаний. В свою очередь позвольте спросить, а где ваша «Светлана»? У Ломоносова случались столь лёгкие стихи, но как редкость. Прелесть «Светланы» в том, что с первого до последнего слова — это русская речь, русская плавность. Где вы, друг мой, храните ваше чудо?

— В голове.

— Но это же скверно! Вы собрались подставлять свою голову под ядра, под пули.

— Рукопись у сестёр. — Жуковский с восторгом смотрел на высоченные стены, покрытые флиантами. — Меня изумляет всеобщее лёгкое спокойствие дворянства. Неделию тому назад получил два письма. Одно от Батюшкова: на погоду гневается. Послание сие из Вологды, из глубины России. Другое из Петербурга от Тургенева: влюблён и кроме своих чувств ни о чём знать не хочет. В Москве — сегодня зовут пировать к Разумовскому, завтра мы едем на холостяцкий ужин, послезавтра обед у друга Петра Андреевича... Один Мамонов озабочен военными приготовлениями.

— И Ростопчин! — засмеялся Вяземский. — Вот уж народный вития. В своих афишках мужик мужиком, хотя и зовёт себя русским барином. Между прочим, в Тюфелевой роще, на даче Бекедова, сотворяет нечто невероятно таинственное и весьма губительное для Наполеона.

— Что же это?! — разом спросили Карамзин и Жуковский.

— Тайна за семью печатями. Но все знают — клеют воздухоплавательный шар. В шар сядут пятьдесят воинов, и воины эти полетят и изничтожат французские дивизии. Может, самого Наполеона прибьют.

— А почему так называемые афишки сочиняет Ростопчин? — удивился Жуковский. — Николай Михайлович, это ведь ваше дело.

Карамзин улыбнулся:

— Услуги были предложены и отвергнуты. Впрочем, граф благодарил, сожалел, что ещё не пристало время воспользоваться словом, достойным римских Цицеронов. Так и сказано было: «С подлым сословием надобно говорить подлым языком. До печёнок пробирать». А мы-то всё о сердцах печёмся. Впрочем, Фёдор Васильевич заботливейший человек. Пригласил меня на житьё в свой дом. Я ведь даже без слуг. Предложение принято.

Расстались не без горечи. Главное, как всегда, не было сказано... очень важного, очень нужного, возможно, что и сокровенного.

— А почему бы нам не отправиться к графу Льву Кирилловичу

вместе? — обрадовался Жуковский столь очевидной мысли.

— О нет! — вырвалось у Карамзина. — Не хочу участвовать в поспешном проедании Москвы.

А Москву и впрямь проедали. О князе, друге Вяземского — имя у Жуковского выпало из головы, а напрячь мозги, тем более спросить сил не было. Так вот об этом князе говорили, что за последнюю неделю он хлопнул на ужины сто двадцать тысяч! Мамонов вооружал, одевал-обувал, снабжал лошадьми и провиантом полк, а все эти Сологубы, Гагарины, Голицыны, Валуевы — развратничали, играли в карты и, что называется, бесились.

В Петровском Василия Андреевича поразило умиротворённое барство.

Князь Пётр повёл друга на третий этаж дома показать кабинет графа Льва Кирилловича.

Античные мраморные статуи, чудовищно огромные картины в чудовищно массивных рамах. Монеты Рима, гривны времён Киевской Руси. Должно быть, бесценные книги и манускрипты.

— Счастлив ли счастливец, обладающий такими сокровищами человеческого гения? — Пётр Андреевич погладил мраморную головку.

— Вот жизнь во всех временах сразу. — Жуковский показал на мрамор. — Эта улыбка вызвана для нас неведомой радостью. Этого, отчего вспыхнула улыбка, не существует вот уже две тысячи лет. Самого чувства не

существует. Но улыбка не только сохранилась, она отражением на наших лицах.

Глаза у Петра Андреевича потемнели, взял за руку Жуковского.

— Как хорошо, что ты не женат. Мне невозможно не быть там, где будешь ты, где будут все... Я боюсь за Веру. Беременность даётся ей трудно, а тут ещё это... Жизнь беженки... Не понимаю князя Андрея! Для него война, поход — избавление от тягот быть возле жены, когда ей придёт время родить. Он болтает об этом с беззаботностью. И, разумеется, до его очаровательной жены brave высказывания супруга доносят беспощадно.

— Кто этот Андрей?

— Князь Гагарин.

Вяземский — добрая душа, но круг его знакомых — высокородные шалопаи. В ушах Василия Андреевича явственно звенели вопли баб, провожавших на войну своих мужей, кормильцев. Для народа война — не поле чести. Несчастье. Сиротство. Смерть от голода детишек, смерть юных вдов от тоски.

На ужин была дичь, подливки с трюфелями. Вина благоуханные. Десерт изысканнейший, фрукты из оранжереи...

Вяземский показал Василию Андреевичу сестрицу графа Льва, знаменитую Наталью Кирилловну Загряжскую. Наталья Кирилловна была любимицей императора Петра III... При матушке Екатерине избежала

немилости дружбою с Потёмкиным. Любой каприз красавицы властелин исполнял беспрекословно и даже наслаждаясь причудливостью желаний. Император Павел пожаловал Наталью Кирилловну в кавалерственные дамы и собирался вытурить из Петербурга за чрезмерные вольности. Было за что. Свою племянницу Марью Васильчикову Загряжская посмела обвенчать с вице-канцлером графом Кочубеем, Виктором Павловичем. На Кочубея у императора были свои виды. Взъярясь, Павел послал сказать Загряжской, что боле не намерен терпеть невежества у себя дома (Наталья Кирилловна не кланялась статс-даме Лопухиной). И вот на балу, при всём дипломатическом корпусе, гроза петербургских салонов отвесила Лопухиной нижайший земной поклон и объявила:

— «По именному его величества приказанию, мною сегодня полученному, честь имею поклониться вашей светлости».

Приказ покинуть Петербург последовал без промедления, но князь Волконский, посланный проверить, как исполняется монаршая воля, нашёл в доме Загряжской многолюдный беззаботный праздник. Волконский перепугался, но его подвели к окошку на задний двор и показали карету с кучером на козлах.

Павел, боявшийся неисполнения его государевой воли, обрадовался докладу и послал Волконского сообщить Наталье

Кирилловне, что она получает отсрочку высылки.

Уехать всё же пришлось, в Батурин, в Киев, в Париж. А в Париже Наталья Кирилловна имела беседы с Наполеоном, с Талейраном. Её принимали монархи немецких княжеств, император Австрии.

Теперь дама-легенда сидела за карточным столом и по обычаю выигрывала. Играли в бостон, ставки были несерьёзные, а в партнёрах сам граф Лев, Апраксина, юная Волкова, родственница Валуевых, Виельгорских, Кошелевых.

Брат Волковой Николай поделился своей радостью с Вяземским: начальник штаба в армии Багратиона генерал Сен-При согласился взять его в адъютанты. Вяземский тоже ожидал адъютантства от Милорадовича.

— А мне нужен слуга. Да такой, чтоб не дрейфил на войне, — сказал Жуковский.

— Слуга будет, — пообещал Вяземский.

В уютной гостиной с гобеленами дамы, собравшиеся вокруг графини Ростопчиной, сокрушались о несчастье Мухановой. Её муж отличился в жесточайшем сражении под Салтановкой. Пять дивизий наполеоновских маршалов Даву и Мартье нападали на корпус Раевского. Думали, перед ними Багратион с армией. Николай Николаевич десять часов сдерживал французов, позволяя Багратиону переправляться через Днепр. Раевского и раньше

любили, теперь же о нём и его сыновьях говорили со слезами благоговения. В момент полного изнеможения одного из полков генерал повёл на французов своих сыновей. Они шли, взявшись за руки. Младшему, Николеньке, то ли десять, то ли одиннадцать. И полк смёл французскую атаку.

Супруг несчастной Мухановой был представлен за этот бой к ордену. Тем же вечером на рекогносцировке, переодетый в мундир французского офицера, он был смертельно ранен казаком.

— Я сегодня была в лазарете! — У Ростопчиной слёзы заблистали в глазах. — Боже мой! Боже мой!

Раненых привозили теперь каждый день. Офицеры-гусары, офицеры егерских полков, лейб-гвардии, офицеры-артиллеристы. Иные изуродованы жесточайше.

Дамы высшего света, принося в жертву своё время, целыми днями трепали корпию — ветошь для перевязок.

Была ещё одна животрепещущая тема: обнищание богатейших. Прасковья Кутузова, выданная за Толстого, нарожала ему восьмерых детей, но все имения его в Белоруссии, у Наполеона. Оставшегося состояния — три сотни душ в рязанских, очень бедных деревнях.

— Ужас! Ужас! — сочувствовали вполне искренне.

— Дамы-то наши даже по-человечески, то есть по-русски, и о

насушном могут разговаривать, — горько посмеялся Вяземский.

А Василий Андреевич никак не мог отойти от чудовищно дорогого ужина, от изрядно вырядившихся дам, от юных офицеров, ожидавших адъютантских мест при самых видных генералах.

— Я бы очень хотел проснуться лет на пять назад, в Белёве. А коль надобно идти на войну, так поскорее бы, но ополчение, по-моему, больше на языке, чем на деле.

Война, пришедшая в театр

Вяземский, не получая ответа от Милорадовича, поехал вместе с Жуковским к графу Матвею Александровичу Дмитриеву-Мамонову. Вяземский и Мамонов женаты на сёстрах, свояки. За князем Петром Вера Гагарина, за графом Матвеем Надежда.

Граф был в свойстве и с Жуковским, по музе. Родственник Ивана Ивановича Дмитриева, граф с юношеских лет писал стихи, публиковал в московских журналах.

Встретил Матвей Александрович гостей дружески и даже восторженно.

— Василий Андреевич! Я счастлив! Сама русская литература в моих пенатах.

— Уж больно ты красиво говоришь! — засмеялся Пётр Андреевич. — Жуковский — казак твоего полка. Стало быть, твой подчинённый.

— Отнюдь! Я дал на полк деньги, но полк — не собственность. Буду в нём такой же поручик.

— Ты обер-прокурор департамента! По крайней мере — полковника отвалят.

Граф был красив и, к удивлению Жуковского, застенчив.

Батюшка графа — имя историческое для России. Вот только при всей честности, при доброй памяти — смущающее. Предмет позора Российской монархии.

В конце уже царствия Екатерины Великой всеильный Потёмкин привёз к матушке государыне своего адъютанта. Мамонов был красавец и удостоился чести читать государыне на сон грядущий. Наутро — сто тысяч на карманные расходы и высшая государственная должность. Фаворит. Оказалось, предпоследний.

— Что Вера? — спросил князь Вяземского.

— В Ярославле, с семейством Карамзина... Я к тебе по делу. Записывай в полк, в команду.

— Ты поручик?

— Поручик.

— Поручик в очках.

— Остерман-Толстой тоже в очках, но генерал!

— Что ж, иди на первый этаж. Там тебя запишут, и, пожалуйста, получи форму полка... А вам форму выдали? — обратился граф к Жуковскому.

Тот улыбнулся виновато:

— Я думал, обмундирование за личный счёт.

— О нет! У нас форма! Идите с Вяземским. И возвращайтесь.

Через полчаса оба стояли перед Мамоновым в синих чекменях, с голубыми обшлагами, в косматых киверах, обтянутых медвежьим мехом, с высокими султанами, в руках по баулу. В баулах полукафтаны, две смены нижнего белья, по две рубахи, запасные штаны, сменная пара сапог.

— Витязи! — оценил друзей граф. — Однако ж извольте переоблачиться. Отобедаем и в Большой театр, покуда война всё ещё далеко от Москвы, у меня — ложа.

Давали оперу «Старинные святки».

— Я был бы счастлив присутствовать на премьере оперы «Светлана», — сказал Мамонов. — У вас в поэме столько прелестного, Жуковский.

*— С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.*

Или это:

*— Сели... Кони с места враз,
Пышут дым ноздрями,
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.*

Картины! Картины русской жизни.

— Мамонов! А кто будет командовать полком?.. Не прошибись! — Вяземскому не нравились разговоры о стихах.

— Думаю, не прошибся! — ответил граф. — Князь Святополк-Четвертинский устраивает?

— А какой Четвертинский? Ежели брат Марии Нарышкиной, то — весьма.

— Именно Борис Антонович.

Жуковский не знал князя Святополка-Четвертинского, не знал Нарышкиной.

— Саша плюс Маша, — шепнул Вяземский непонимающей деревне.

— Саша плюс Маша? — переспросил Василий Андреевич, и — осенило: речь об Александре. — А-а!

— Именна-а! — засмеялся Пётр Андреевич. — Вы посмотрите, сколько бриллиантов! Пора бы в землю закапывать, а тут — на показ. Последний день Помпеи.

— Но сколько мундиров! — мягко возразил граф.

— Мундиров, как всегда.

— Не зловредничай! — улыбнулся Мамонов. — Сегодня поёт Сандунова. Голос редкостный. Одна беда — русская. Была бы француженка — тоже бы вся сверкала.

Началась опера. Оркестр звучал прекрасно. Голоса доставляли удовольствие. И вдруг по сцене пошло пугливое движение, будто актёры смешались.

Торжествующий хор умолк. Через сцену к рампе, в странной тишине поражённого, ничего не понимающего театра, прошла Сандунова. Запела без оркестра...

— Слава! Слава! — Голос у неё дрожал, прерывался. — Слава генералу Кульневу, положившему живот свой за Отечество...

Уронила руки, заплакала.

И зал тоже заплакал.

Жданный рескрипт

Перед Александром лежала очередная листовка походной типографии майора Кайсарова, подписанная Барклаем де Толли. Обращение к обывателям Пскова, Смоленска и Калуги. Опять про две храбрые армии, кои грудью противостоят врагу на древних рубежах. О зверствах и неистовствах французов, об осквернении Божьих храмов. И похвала смолянам. Пробудились-де от страха, «вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады». Заканчивалась листовка призывом:

— «Подражайте смолянам все любящие себя, Отечество и государя!»

Александр поморщился. Он посылал Барклаю рескрипт, требуя решительных действий. И главнокомандующий обещал остановить неприятеля, разгромить, перейти в наступление. Досадливо захлопнул папку с бодрой афишкой.

Оба командующих, Багратион и Барклай, устроили театральное действо перед солдатами. В орденках, в лентах, а Багратион, кроме сюртука, другой одежды не признаёт, — перед фронтом выказывали радость соединения армий, на виду у всех обменялись рукопожатием. Единодушные соратники! На совете Барклай отдал столь жданный всеми приказ о подготовке к генеральному сражению. Согласился наступать.

Правда, помянул о данном ему наказе: «Покидая армию, его величество изволили предупредить: «Не забывайте, у меня нет другой армии. Пусть эта мысль никогда вас не покидает».

Наступали обе армии на следующий день несколько часов. Потом трое суток стояли в бездействии и — занялись более привычным делом — отступили.

Тогда-то и взорвался Константин.

Его высочество был лёгок на помине: вошёл без доклада, спросил от двери:

— Когда же ваше величество изволит сменить главнокомандующего?

— На кого? — спросил Александр.

— У тебя много достойных многоопытных: Беннигсен, Багратион, Тормасов, коего ты увенчал Георгием II степени.

— Вопрос о назначении главнокомандующего поставлен мною перед Чрезвычайным комитетом. — Александр смотрел как ангел, не замечая грубости. — Как решат, когда решат — спрашивай с них.

Чрезвычайный комитет собрался 5 августа.

Фельдмаршал, Председатель Комитета министров Салтыков (76 лет), генерал от инфантерии, главнокомандующий Петербурга, министр полиции Вязмитинов (68 лет), председатель департамента военных дел Государственного совета, генерал от артиллерии граф Аракчеев

(43 года), генерал-адъютант Балашов (42 года), князь Лопухин (59 лет), реформатор, член Негласного совета, ближайший друг царя граф Кочубей (44 года).

Все шестеро знали, кто будет рекомендован ими на пост главнокомандующего всеми армиями Российской империи. Однако ж начали обсуждение с кандидатуры графа Беннигсена, следующими в их списке были Багратион, Торماسов, граф Пален. Последним называли Кутузова. И без оговорок согласились: Кутузов.

Александр посмотрел присланную из Чрезвычайного Комитета бумагу. Никаких чувств не отразилось на его лице. Против Кутузова сестра, её высочество Екатерина, против Кутузова императрица-мать, против Кутузова брат, его высочество Константин. Сам он, его величество — Кутузова ненавидел.

Утром 6 июля, в великий праздник Преображения Господа Бога и Спаса Иисуса Христа, император Александр пригласил князя Михаила Илларионовича к себе, на Каменный остров.

Кутузов поцеловал икону Преображения Господня, приложился к образу благоверного князя Александра Невского — икону прислал ему в подарок митрополит Петербургский и Новгородский Амвросий — и поехал, куда повезли, заперев голову от всяческих предположений, а сердце от предчувствий.

Александр выглядел естественным, принял просто.

— Чрезвычайный комитет избрал вашу светлость главнокомандующим всеми нашими армиями. Я разделяю мнение комитета. — Лицо строгое, но благожелательное. — Вы показали себя полководцем и дипломатом в турецкой войне. Вы устроили в две недели Петербургское ополчение. Да не оставит вашу светлость Господь в сражениях с неприятелем.

— Где теперь армия? — спросил Кутузов.

— В Смоленске.

— Ежели Смоленск удержим...

— А ежели не удержим?

— Ключи от Москвы в Смоленске... — Князь поклонился с такою учтивостью — статс-даму Ливен перещеголял. — Ваше величество! Я вхожу в командование, понимая, с каким неприятелем предстоит дело иметь. Не могу обещать вашему величеству немедленных побед, но будучи в ответе перед Богом, перед престолом вашего величества, перед Отечеством, намерен уничтожить армии нашествия.

— Мне предстоит вскоре встреча с принцем Швеции, рескрипт ещё не готов... — солгал Александр.

Кутузов откланялся, вышел из кабинета и тотчас вернулся:

— Ваше величество! У меня нет ни копейки денег на подъём.

Император благожелательно склонил голову:

— С рескриптом вы получите десять тысяч серебром.

Молитвы

Единственную месть за Аустерлиц, какую мог себе позволить Александр в отношении Кутузова, — тянуть с официальным назначением.

Рескрипт Государственный секретарь Шишков составил в тот же час, как пришла бумага Чрезвычайного комитета: «Нашему генералу от инфантерии князю Кутузову Всемилостивейше повелеваем быть Главнокомандующим над всеми армиями Нашими с присвоенными к сему званию преимуществами последними узаконениями».

Стихи не писал с таким восторгом. Оставалось число поставить и получить подпись.

Только 8 июля Александр изволил совершить росчерк на рескрипте. Опять-таки в день для России знаменательнейший, в день явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани.

С рескриптом государь вручил Кутузову письмо, переписанное с текста Государственного секретаря монаршею рукою:

«Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего Главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве... Избирая Вас для сего важного дела, Я прошу Всемогущего Бога да благословит деяния Ваши к славе Российского оружия и да оправдает тем счастливые

надежды, которые Отечество на Вас возлагает!»

Александр оправдывался перед Барклаем де Толли, перед Багратионом, Беннигсеном, Платовым и прочими генералами — Кутузов назначен верховным начальником по причине старшинства, и только.

— С праздником, ваша светлость! — поздравил Шишков, выходя вместе с Кутузовым из кабинета царя. — Казанская — день благословения русского оружия.

— С праздником, Александр Семёнович! — поклонился главнокомандующий. — Где мой Кайсаров?

— Я здесь, ваша светлость! — Паисий показал мешок с деньгами.

Михаила Илларионовича обступили придворные.

— Ваша светлость, вы от государя сразу к армии? Это правильно! Пора повести дивных наших воинов на разбойника!

— Нет! — покачал головою главнокомандующий. — Нет, господа! Пока не воздам Божиего Боговию, до тех пор не думаю аз, грешный, о Кесаревом. Мне предлежит многотрудный подвиг спасти Отечество: могу ли я совершить сие дело без благословения Божиего!

Исполняя свой обет, Михаил Илларионович от царя помчался в Казанский собор, успеть на службу.

Желанную весть о новом вожде русских войск, должно быть, скорые ласточки разнесли по Петербургу.

Народу было о чём Бога молить, было за что образ Богородицы, обрётённый в Казани, почитать спасительным для России. Петербуржцев в собор притекло великое множество, но перед Кутузовым — а к государю он ездил при всех орденах — широко расступались.

— Господи! — радостно ужаснулось сердце воителя. — Что за бармы на плечи мои стариковские возложил Ты, Святой?

Расступившийся народ указал своему вождю место перед алтарём, против соборной иконы. Михаил Илларионович снял мундир, отдал Паисию и опустился на колени.

— «Всех нас заступи, о, Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех и в болезнях, обременённых грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе», — пели хоры, пели прихожане. А он вспомнил вдруг приговор разбойнику в Молдавии. Подписывая, плакал, да ведь подписал.

— Господи! Богородица! Простите мне все мерзости мои, ибо не имея в душе чистоты, не снести бремени, возложенного на меня царём, Твоею Волей, Господи, Твоей Молитвой, Благодатная!

Пели:

— «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному...»

— Христос, Бог мой! — рвалось из сердца молящегося. — Богородице Дево! Одного прошу —

наградите здоровьем на все страшные дни сражений и воинских дел. А как будет Россия спасена, так пусть станется, как писано в книге судьбы моей.

— «Величаем Тя, Пресвятая Дево, Богоизбранная Отроковице и чтим образ Твой святой, им же точиши исцеления всем с верою притекающим». — Величание заполняло весь огромный собор. Кутузов пел со всеми и, крестясь, молил Богородицу:

— Пошли мне, зело грешному, не пролить крови русских солдат, солдат неприятельских, коя не востребована будет за грехи мира. Господи! Богородица! Пошлите мне, недостойному, сберечь землю народа православного от посягательств! Пошлите мне, недостойному, сберечь матерей, чад, стариков. Юность румянощёкую! Сколько их в армии, бесстрашных мальчиков!

Священники окропили Михаила Илларионовича святою водою, благословили.

И, провожаемый тысячами любящих глаз, прошёл Кутузов в коляску, покатыл в военный департамент за генеральскими картами, за самыми свежими известиями от командующих.

На другой день в старенькой каретке, дабы не бросаться в глаза, вместе с Екатериною Ильиничной Михаил Илларионович ездил в придворные слободы. В храме иконы Владимирской Божией Матери молились. Плакал, как ребёнок несчастный, слезами тихими, неудержимыми.

Уже в коляске, по дороге домой, сказал Екатерине Ильиничне:

— Меня посылают на Зверя, а может, на самого Аввадона! У лжеимператора все маршалы в венцах королевских, как у саранчи из Апокалипсиса. «И вышел... конь рыжий. И сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга».

Екатерина Ильинична припала головою к плечу генеральскому.

— Мне бы опять в полковницы. В Луганск, в Мариуполь. Бригадирству твоему радоваться, ехать за тобою в Бугский егерский корпус.

Улыбались. Радовались свету, наполнившему их в церкви, а приехали в свет, в суету. Подходила знаменитая писательница де Сталь говорить с русским полководцем. Подходили Надежда Никитична Голенищева-Кутузова и Фёдор Петрович Толстой, знаменитый медальер:

— Ты уж побей Изверга. Этак прямо и побей! — посоветовала тётушка. — Фёдор Петрович твою победу в медалях отольёт.

— Я собираюсь увековечить великие деяния нашего воинства в бронзе. Заветная моя мечта! — признался медальер.

— Уж больно много хотите от меня! Уж больно много! — вздохнул Кутузов, без игры, без светского жеманничанья. — Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона. Не победить, а дай Бог — обмануть.

Подходила очень милая дама, застенчивая, непривычно искренняя.

— У меня сыновья в казаках. Три сына — и все в казаках. Младшему, Васеньке, — семнадцать.

Утешил:

— Казаки воюют умеючи. Казаков я люблю. Дуром головы под пули не подставляют.

И, приблизив лицо, шепнул доверчиво:

— Мне живые нужны. Бога молю — побережь солдатшек, а молодых-то офицериков — сугубо... Как фамилия-то сыновей?

— Перовские.

— Перовские... — Было видно, не вспомнил.

— Дети графа Алексея Кирилловича Разумовского.

— Разумовских знаю, — улыбнулся Кутузов. — О сыновьях молиться будете и меня помяните. На молитвы более всего уповаю.

Отъезд

Война для полководцев с бумага начинается.

10 августа, назначив отъезд на 11-е, Кутузов диктовал Кайсарову письма.

Губернскому предводителю дворянства в Петербурге Жеребцову. Благодарил за выбор, которым почтили его дворяне, и выражал надежду, «что тяжкий путь, мне предлежащий, будет сопровождён молитвами их обо мне Богу, который Один может устроить его».

Предписывал командиру 2-го резервного корпуса Эртлюю сообщать «о всём, могущем с вами произойти, равномерно и о том, что может случиться с генералом Тормасовым, недалеко от вас находящимся».

Отправил копии рескрипта Тормасову и Горчакову о «всемиловитейшем назначении главнокомандующим действующими армиями» и просил извещать «о всём, до армии касающемся».

У Горчакова в другом письме спрашивал:

«1-е. О всех рекрутских депо, ныне в наличности находящихся, о числе и вооружении оных.

2-е. О регулярных войсках, которые внутри империи формируются; где и какой успех сего формирования происходит».

Написал письмо к Барклаю де Толли, но попросил Кайсарова тотчас уничтожить.

— Покуда доедем, много воды утечёт. Пусть действует без вмешательства. Тем более что нам мало чего известно и об армии нашей, и о противнике.

В день памяти равноапостольной великой княгини Ольги, в воскресенье 11 августа Кутузов вышел из дому и сел в карету.

Ехать пришлось шагом. От Гагаринской пристани до Прачешного моста стоял народ.

Михаил Илларионович время от времени выходил из кареты, кланялся и, осеняя себя крестным знаменем, командирским голосом просил провожающих:

— Молитесь обо мне, православные! Меня посылают на великое дело.

Наконец карета добралась до Казанского собора.

Михаил Илларионович приложился к чудотворному образу. Священники окропили его святою водой, поднесли медальон с иконою Казанской Божией Матери в золотой ризе.

— Клянусь! — провозгласил Михаил Илларионович, чтоб все слышали. — Клянусь! Первая отнятая у врага добыча будет украшением сего храма.

Встал перед Царскими вратами, отдал земной поклон святому престолу:

— Господи! Донеси меня здоровым до места моего назначения. Заплакал и, не отирая слёз, пошёл к экипажу.

К нему тянулись руки. Его трогали, он кланялся и просил:

— Молитесь обо мне! Молитесь обо мне!

Девочка, крошечка, дала ему цветы:

— Дедушка, возьми! Освящённые.

— Голубушка! — Цветы принял, нёс перед собою и, когда карета наконец тронулась, всё держал цветы перед собой. Три-четыре василька, три-четыре колокольчика и ромашки.

Причастие

Двенадцатого августа на ночь глядя в Москву приехали Авдотья

Петровна Киреевская с сёстрами, с Анной, с Екатериной. Василий Андреевич спал... Пробудившись в монашеский свой час, встретил всех трёх одетыми скромнейше, в платках.

У Авдотьи Петровны на донышке глаз алмазики.

— Василий Андреевич! Нам твой новый слуга — какой он у тебя страшный, калмык, что ли? — сказал: вы отправляетесь с армией чуть ли не завтра.

— Завтра нет! Но, видимо, на днях.

— Вася, мы в церковь. Пошли с нами, тебе надобно причаститься. Без этого нельзя, Вася, без этого нехорошо!

Василий Андреевич развёл руками.

— Как можно без приготовления? Я по гостям ездил. Чуть было в оргию не угодил. Без поста?

— Вася! Всё это скажешь батюшке. Он твои грехи на себя примет... Ты же на войну идёшь.

В приходской их церкви, всегда просторной, было тесно.

Мужики, бабы, прислуга всяческая чуть ли не плечо в плечо с барышнями, со старушками помещицами. Разве что купцы. Стояли особью, едино у левого клироса.

Перед Царскими вратами место занимали два-три семейства из аристократов.

Василий Андреевич уловил необыкновенность службы. Впрочем, всё шло своим чередом. Священник, старичок за семьдесят,

возгласы подавал негромко, и молитва или только призыв к молитве звучали одиноко и словно бы повисали в хрустальном воздухе, хотя надышано, и от обилия свечей тепло над язычками пламени покачивалось густою волной.

Василий Андреевич смотрел на семисвечник в алтаре и страшился: как бы какая из лампад не погасла вдруг. Нет, он не видел голубя над алтарём, не ощущал в себе какой-либо благодати, чуда, тяги к божеству, но он был как все здесь. И все были не ради забот своих, коим нет конца, не обид ради, амбиций, желаний, просьб, чаяний. Никому не было дела, как служит нынче причт, как поют на клиросах. Люди были с Богом. Перед Богом. Единственное жило теперь в их душах: как Господу угодно, то и претершим.

Будущее отлетело прочь за ненадобностью. Что мужику об урожае молиться, когда быть ли завтра? Что дворянину о чинах, об имениях, о наследствах мечтать, коли быть ли завтра? Придёт негаданное, и проживи его, претерпи — как Бог даст.

Священник причастил воина Василия. И, может быть, впервой Жуковский принял — кровь жизни и хлеб жизни.

Авдотья Петровна, блистая глазами, слёзы у неё не проливались, но и не просыхали, благодарно взяла его за руку, подвела к иконе Матери Божией «Умягчение злых сердец».

— Вася! Дай мне слово, что не будешь искать геройства. Вася, не гневи Господа, ибо тебе иное дано. Не шпага, не пушка... Слово-то, Вася, — Бог!

Священник начал молебен, заказанный супругами: они стояли, держась за руки, капитан с седеющими висками и юная женщина с явственно обозначившимся животом.

Авдотья Петровна подала дядюшке свечу. Поставил перед иконою.

На улице к Жуковскому подошли молодые люди.

— Василий Андреевич, нас недавно посетила мадам де Сталь. Как вы относитесь к её сочинениям?

— Господа, что судить нам знаменитостей? Для знаменитостей, как и для всех прочих, судья — Время.

— Мы считаем, что восторги, щедро даримые её безбожным, безнравственным романам, — искусственны, — сказала красавица. — Слава Богу, писательша явилась в Россию в такое время, когда нам нет дела до иностранных сочинений, нам Наполеона достаточно.

Василий Андреевич стоял в растерянности: затевался разговор серьёзный и непростой.

Авдотья Петровна взяла дядю под руку.

— Господа, Василий Андреевич после причастия.

— Простите нас, Жуковский! — поклонилась поэту юная особа

серьёзно и почтительно. — Мы любим вашу «Светлану» и вас.

— Василий Андреевич! — быстро сказал один из молодых людей. — Вы слышали, главнокомандующим назначен Кутузов!

— Слава Богу! Спасибо за доброе известие! — Жуковский поклонился.

— Война идёт на русской земле, значит, и война русская! — В голосе юной особы звенели, должно быть, слёзы. — Русских солдат русским командирам вести на бой.

Замахи быть в Париже

14 августа Москва читала очередную афишку Ростопчина.

«4-го числа император Наполеон, собрав все свои войска, в числе 100 000 человек, пришёл к Смоленску, где был встречен в шести верстах от города корпусом генерал-лейтенанта Раевского. Сражение началось в 6 часов утра и с полудня сделалось кровопролитнейшим... С нашей стороны урон убитыми и ранеными до 4000 человек, в числе первых два храбрых генерала Скалон и Балла».

Ростопчин извещал о начале сражения, а всё уже было конечно более недели тому назад.

Москва паниковала. Заставы запрудили обозы с беженцами. Уже 15 августа великосветская львица Мария Волкова писала петербургской великосветской львице Варваре Ланской. Воен-

ные неудачи требовали хоть какого-то объяснения.

«Если так легко было нашему доброму царю уничтожить порядок, существовавший испокон веку, с другой стороны, не легко будет нашим генералам свыкнуться с порядком, по которому вчерашний начальник сегодня поступает под команду к своему подчинённому. Такие правила невыносимы для нас, русских, тем более что они взяты у французов. — Автор письма как-то не заметила, что при всеобщей ненависти к французам, к французскому, письмо она пишет на французском языке. — ...Так как отдельные корпуса действовали несогласно и каждый хотел делать по-своему, то мы и потерпели страшное поражение под Смоленском. Французы провели наших, как простаков. Была бы возможность поправить дело, если бы друг другу помогали или бы нашёлся человек, который, заботясь обо всех, никого не обрекал бы на неизбежную жертву. Но дело повели таким образом, что город, который в состоянии был сопротивляться шесть месяцев, взят в три дня, и вот теперь наше войско в 300 верстах от Москвы, и оба войска на расстоянии 7 вёрст друг от друга. Теперь тебе должно быть ясно, почему мы так радуемся назначению Кутузова».

Письмо Волковой писано в праздник Успения Пресвятой Богородицы, но в нём ни слова о празднике, о богослужениях, о Боге некогда помянуть.

Волковой известно: Главная квартира Кутузова в Дорогобуже, а это всего лишь в двадцати верстах от имения её дяди Кошелева. Власть обрекает крестьян на полное разорение, а то и на гибель, но крестьяне верят царю и покорны его царским повелениям. А велено сидеть на месте, не бросать изб, куда французы не придут. Волкова негодует: «Посуди, до чего больно видеть, что злодеи, вроде Балашова и Аракчеева, продают такой прекрасный народ. Но уверяю тебя, что ежели сих последних ненавидят в Петербурге так же, как в Москве, то им несдобровать впоследствии».

Впрочем, оптимисты не перевелись. Почтарь Оденталь писал Булгакову, секретарю Ростопчина: «С тем числом регулярного ополчения, каковое мы теперь имеем, должны мы через год быть в Париже».

Улицы Москвы стали тесными от повозок. Жуковский пришёл попрощаться с Карамзиным пешком, но уже в форме ополченца. Медвежий кивер с крестом, серый полукафтан поверх чекменя, на поясе сабля.

Николай Михайлович исхудал, лихорадка замучила. Нервными стали прекрасные его руки, всё чего-то искали, трогали.

— Собрался писать Дмитриеву — не могу! — признался Николай Михайлович. — Сесть на своего серого конька и — вместе с вами... Так ведь сляжешь, не добравшись до французов.

Вывозить библиотеку? Но далеко ли уедешь по таким запруженным толпами дорогам? Будь как будет! Конь у меня, слава Богу, в холе, резв, здоров. В случае чего — унесёт... А вы-то когда?..

— Позавчера назначили на 17-е, вчера — на 19-е...

— Всё-таки определённости....

А я не знаю, куда себя деть, чем себя занять. Кинулся просматривать Светония. Открыл нынче «Божественного Тита». И обнаружил в нём множество черт, сходных с чертами характера и даже внешности — нашего государя. Телесными и духовными достоинствами блистал с отроческих лет... Правда, был невысок ростом и писал стихи. Будучи человеком редкостной доброты, просителей не отпускал, не обнадежив. И когда его упрекали, что он обещает больше, чем может выполнить, говорил: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». И ещё одно. Правление Божественного Тита не миновали бедствия: извергался Везувий, поражала народ моровая язва, три дня, три ночи пылал Рим. Но всем обездоленным в пожаре Тит сказал: «Все убытки мои!»

Николай Михайлович всплеснул руками:

— Да что это я! Всё говорю, говорю! Идёмте, у меня есть сёмга и прекрасное вино. Господи! Прочитайте стихи. Вы теперь пишете?

— Николай Михайлович, мне чудится, что тот невидимый,

неощущаемый орган, творящий стихи, засох в моей душе.

— Жуковский! Побойтесь Бога.

— Не война мой тиран. Близкие мне люди. Убили, в который раз, даже не само счастье, а надежду на счастье. Слава Богу, отправляюсь в поход... Желанное всем нам «завтра» совершенно безболезненно, не пугая, перестало существовать.

— Всё переменится! К лучшему! К лучшему! — Карамзин выставил блюдо перед гостем. — Сёмушка серебряно-розовая, со слезою, и мы её съедим.

20-го, заканчивая письмо Ивану Ивановичу Дмитриеву, Карамзин напишет: «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда, навстречу неприятелю».

Проводы

Все три племянницы наседками сидели перед своим ненаглядным дядюшкой — и от их жалости, от их любви он и впрямь чувствовал себя цыплёнком. Вот только цыплёнку предстояло идти с мечом и защитить наседок от супостата.

Слуга Василия Андреевича, нанятый по совету Вяземского, не показывая ревности, служил верно, а главное, исправно. Калмык по крови, он был крещён в Андрея, прошёл Аустерлиц, был на турецкой войне. Снарядил он своего хозяина в поход прилежно

и быстро. Лишнего ничего не взял, нужного не забыл. Все пожитки и пропитанье в телегу, боевую лошадь к телеге — поручик Жуковский принял решение идти в пешем строю.

Авдотья Петровна, Аннушка, Катенька сидели с Василием Андреевичем на диване перед обычною голландкою, смотрели на огонёк. Топили не ради тепла, ради уюта. Впрочем, вечера были холодные. Июльская жара осталась за порогом августа. Принесло дожди. Свежесть обернулась холодными сквозняками.

Авдотья Петровна ездила поутру с визитами и вместе с новостями доставила очередную афишку, самолично писаную Ростопчиным. Дали Василию Андреевичу огласить.

— «Здесь есть слух и есть люди, — голос у чтеца был бархатный, бунинский, — кои ему верят и повторяют, что я запретил выезд из города».

— Мне Альмовы говорили — выезжать не велено! — вставила словечко Аннушка.

— Не слушай Альмовых, слушай Ростопчина! — назидательно сказал Василий Андреевич. — Чёрным по белому: «Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы и по несколько тысяч карет, колясок и повозок, во все стороны не выезжали бы».

— Вся Москва поехала! — огласилась Авдотья Петровна. — Я смотрела на сие движение, и мне чудилось: дома тоже движутся. Выходит, мы боимся Наполеона.

Не верим Кутузову, а он обещает не пустить французов в Москву! Не верим Ростопчину, у которого сто тысяч наготове. Не верим нашим офицерам, солдатам, государю наконец.

— Верить надобно Богу! — Василий Андреевич разгладил замятый листок. — Ну, что ещё скажет нам градоначальник? «А я рад, что барыни и купеческие жёны едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей, но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах... отправились без возврата. Если по их — есть опасность, то непристойно, а если нет ея, то стыдно. Я жизнию отвечаю, что злодей в Москве не будет!..» Слышите, дорогие мои, — не будет! Генерал убеждён, а вот историк на свою библиотеку, оставшуюся в Москве, смотрит как на пропащую.

Катенька вдруг обняла чтеца. — Василий Андреевич! Вас-то куда ведут? Множество из ваших не были на войне, не обучены... Такое войско годно разве что на растерзанье.

— Господь милостив! Я, узнавши о вторжении, по огурцам в Мишине стрелял. Без единого промаха!

— Французы не огурцы. Вся Европа им покорилась, — по-совиному глянула Авдотья Петровна на дядюшку. — Я молюсь за испанцев и за нас. Испания и Россия одни во всём мире Богу молятся с верою, потому и не сдались на милость антихриста.

— Господин Ростопчин не на Бога, на силу упоает. — Василий Андреевич снова расправил афишку. — Вот его расклад и ответ, почему Наполеону в Москве не быть... «В армиях 130 000 войска славного, 1 800 пушек и светлый князь Кутузов истинно государев избранный воевода русских сил и надо всеми начальник. У него, сзади неприятеля, генералы Торماسов и Чичагов, вместе 85 000 славного войска; генерал Милорадович из Калуги пришёл в Можайск с 36 000 пехоты, 3 000 кавалерии и 84 пушками пешей и конной артиллерии. Граф Марков через три дня придёт в Можайск с 24 000 нашей военной силы, а остальные 7 000 — вслед за ними. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске — 14 000 пехоты. А если мало этого для погибели злодея, тогда уж я скажу: «Ну, дружина московская, пойдём и мы!» И выйдем 100 000 молодцов, возьмём Иверскую Божию Матерь да 150 пушек и кончим дело все вместе. У неприятеля же воих и сволочи 150 000 человек, кормятся пареною рожью и лошадиным мясом. Вот что я думаю и вам объявляю, чтоб иные радовались, а другие успокоились, а больше тем, что и Государь Император на днях изволил прибыть в верную свою столицу. Прочитайте! Понять можно всё, а толковать нечего».

— И толковать нечего! — улыбнулся Жуковский, взял в руки кивер.

И всякая кровинка в нём затосковала. Великий воин Гюон отправляется поразить врага. Только гюонов-то — сто тысяч. И ни магии, ни волшебства... Наполеон, разумеется, мистик, ему служит его невероятное счастье. За Кутузовым великих побед не числится, за Кутузовым — одно: русский человек.

Авдотья, Аннушка, Катенька окружили дядюшку, прижились, и он чувствовал, какие они все тёплые, какие они — женщины.

Зарницей пыхнуло в голове: вот что будет меня хранить. Тепло женщины, а сие не что иное, как материнство. Любовь — Ангел Хранитель.

— С Богом, Вася! С Богом! — Он чувствовал на щеках, на руках их слёзы.

— Ну, что вы, право! — пошёл, и они пошли следом.

Обернулся, засмеялся:

— Мы — Скуфь! Наполеон-то не знает сей тайны.

— Вася! — загородила дорогу Авдотья Петровна. — Надо же посидеть. С молитвой!

Они были уже в прихожей. Чтобы не возвращаться, сели на лавки. Он прочитал про себя «Богородицу». Трикратно поцеловал каждую и пошел из дому.

Калмык Андрей подсадил барина в коляску — к сборному пункту подвезти.

Женщины кинулись к лошадям, но калмык взмахнул плёткой:

— Но! Но! Кутузов дожидается!

Несостоявшиеся генеральные сражения

Михаил Илларионович Кутузов ехал к армии, не отпуская с колен карту.

На коротких остановках диктовал Паисию Кайсарову срочные письма.

13 августа известил наконец Барклай де Толли и Багратиона о своём назначении главнокомандующим. Просил выслать фельдъегеря в Торжок, «через которого мог бы я получить сведения о том, где ныне армии находятся, и который указал бы мне тракт из Торжка к оным».

Стояла жара. В поезде Кутузова было двадцать карет и несколько возов. Пыль до небес.

Заворачивали по дороге к храмам Божиим. Михаил Илларионович ставил свечи, прикладывался к мощам, но молитва у него была единственная:

«Господи! Сохрани Русскую армию до приезда моего в целости, а меня донеси до войск в здравии. Об одном только молю Тебя, благоволи мне застать ещё Смоленск в руках наших — и врагу России не бывать тогда в первопрестольном граде ея!»

Кайсарову не казалось, как иным, не любившим Кутузова, что в его поезде столько лишних людей. Ехали какие-то горничьи. Ехали — в карете! — казаки. Целая канцелярия. И никто пока что не был востребован.

Переночевав в малой деревеньке, Кутузов дал себе роздыху,

выспался, завтракал не в каретке, кое-как. Мужичья изба была просторная, полы скрёбаны ножом. Обошлось без клопов, без тараканов. Одного было много — детишек. Сидели на печи, как в гнезде. Таращили глазки на генерала, но помалкивали.

— Паисий, дай конфеток детишкам, — распорядился Михаил Илларионович, сам же баловал себя хорошо сваренным, душистым, крепким кофеем. Кайсаров и варил.

Воротился дежурный по всем вопросам со двора не только с коробкою сладостей, но и со справно одетым молодцом.

— Расскажи генералу, где ты был и что слышал, — попросил Кайсаров.

— За товаром ездил, я торгового сословия, — Купчик поклонился Кутузову. — Был в Вязьме. В Вязьме великая суета. Смоленск французу отдали.

Михаил Илларионович даже встал.

— Смоленск, говоришь?

— Ваше высокопревосходительство! — перепугался купчик. — Я сам не знаю. Но, кто побогаче, из Вязьмы бегут.

— Где же армия наша?! — закричал Кутузов в сердцах.

— Люди бают — в Дорогобуже. Собираются бой французам задать.

— Поехали! — Кутузов чуть не бегом кинулся из дому.

Обедали в тот день наскоро, далеко за полдень, на постоялом дворе. Михаил Илларионович

всю дорогу опять-таки не расставался с картой, будто ждал от неё неких важных указаний и, должно быть, сии указания углядел.

Обедая, продиктовал письмо в Дунайскую армию адмиралу Чичагову, в бывшую свою: «Я по воле его императорского величества еду командовать армиями и думаю, что сие моё отношение застанет Ваше высокопревосходительство ещё у Днестра. Должен теперь сказать положение дел: неприятель, соединивши почти все свои силы, находится уже между Смоленском и Москвой; наши две армии, 1-я и 2-я, по последним известиям, около Дорогобужа. О точном положении армии генерала Торماسова я ещё не сведал. Из сих обстоятельств Вы усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдалённых каких-либо диверсиях, но всё то, что мы имеем, кроме 1-й и 2-й армий, должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление. Чем долее будут переменяться обстоятельства в таком роде, как они были поныне, тем сближение Дунайской армии с главными силами делается нужнее».

Письмо более краткое по неопределённости местонахождения 3-й Западной армии было отправлено и к Тормасову.

— Во всю прыть надобно сии послания доставить! — попросил Кутузов, и даже взял Паисия за руку. — Неужто и впрямь Смоленск отдали? Что за дивное

положение! Пятый день в дороге, и не ведаем, где ходят-бродят сто тысяч наших солдат, с конницей, с пушками!

15 августа добрались до Вышнего Волочка.

Михаил Илларионович, показывая на лоно водохранилища, сказал Кайсарову:

— Труды матушки императрицы. Император Пётр собирался канал копать. Здесь близко сходятся три полноводных реки: Тверца, Мста, Цна. Великий Пётр мечтал соединить Волгу с Балтийским морем, но сделать успел запруду. Великая государыня обошлась водохранилищем. Коли Бог даст России третьего великого государя — тогда и каналу быть.

Из Вышнего Волочка Михаил Илларионович решил ехать в Вязьму, но местный исправник не посоветовал:

— Возле Вязьмы отряды французов шастают!

То ли в отчаянье, то ли не желая доверять слухам, главнокомандующий приказал везти себя в Смоленск! Домчались до Торжка, а в Торжке Беннигсен.

Вконец рассорившись с Барклаем де Толли, граф бросил армию и ехал к царю.

— Леонтий Леонтьевич, у кого Смоленск? — спросил Кутузов чуть ли не со слезами на глазах. — Положение нелепейшее! Главнокомандующий посреди России ищет две армии. О неприятеле смутные известия имеются, о своих — ничего!

Леонтий Леонтьевич на откровенность ответил откровенностью.

— Барклай де Толли — посредственность, способная погубить русскую армию. Под Смоленском сей полководец умудрился потерять Наполеона! Позволил обмануть себя ложными показаниями пленных французских офицеров. Двинул армию к Поречью. Три дня ждал. Приказал и Багратиону идти за собой, но князь — не промах, не поверил французам, а чтобы избежать прямого неповиновения главнокомандующему, отошёл от деревни Приказ-Выдра под предлогом, что там для армии большой недостаток воды. Отошёл к Смоленску. Барклай из Поречья, скрытно, по ночам бросился к Рудне. И опять ошибся. Ждал от Наполеона удара по дороге Витебск — Рудня — Смоленск, а Наполеон имел при нашем командовании шпионов. Сосредоточил войска в Орше. Это направление Багратион как раз и предвидел!

Беннигсен был искренен в негодовании.

— Дальше — хуже. Началась истерика генеральных сражений. Сначала избрали Усвяту на реке Уже. Слава Богу, позиция, указанная полковником Толем, была отвергнута и Багратионом, и Барклаем. Толь ещё и нагрубил командующим. Самонадеянный господин: «Лучшей позиции быть не может. Извольте объяснить, что вы требуете от меня». Вот как нынче полковники с полными

генералами смеют разговаривать! Багратион не сдержался, пообещал разжаловать нашего главного колонновожатого в солдаты... И чуть было не исполнил обещание. В Дорогобуже Барклай приказал Толю поставить войска для генерального сражения. И тот поставил 1-ю армию лицом к Москве, спиной к Наполеону! Багратион потребовал уже не разжалованья, а расстрела. Этого я не выдержал. Знаю одно: очередным местом генерального сражения названа Вязьма.

На уговоры Беннигсена вернуться к армии Михаил Илларионович потратил две-три минуты. Граф в должности и.о. начальника Главного штаба ехал с главнокомандующим в одной карете.

На следующей станции наконец-то явился адъютант от Барклая де Толли. Сообщил неутешительное.

Армия сдала Вязьму и направляется в Царёво-Займище, где будет дано генеральное сражение.

— Знает ли армия о моём назначении главнокомандующим? — спросил Кутузов адъютанта.

— О сём объявлено 15 августа.

— Леонтий Леонтьевич! Нынче 16-е. Завтра — генеральное сражение. Без корпуса Милорадовича. Без московской силы Ростопчина!

— Спешит Михаил Богданович! Ему же доказать надобно — смещение с должности — ошибка государя! — Беннигсен был беспощаден.

— Карту! — приказал Кутузов.

Беннигсен презрительно кривил губы:

— Леса, кустарники. Батальона в каре не поставишь, не то что полка... В тылу армии река!

— И болота! — подсказал адъютант.

— Кто выбирал позицию? — спросил Кутузов.

— Главнокомандующий, ваше высокопревосходительство. Полковник Толь умолял главнокомандующего переменить позицию.

— А его расстрелять хотели! — буркнул Кутузов и подошёл к адъютанту Баркляя де Толли — чуть ли не грудь в грудь. — Друг мой! Получите у дежурного офицера приказ. Мой приказ — немедленно отвести армию к Можайску для соединения с корпусом генерала Милорадовича и с Московским ополчением. С вами поедет мой адъютант. Возлагаю на обоих ответственность крайнюю: войска его императорского величества в опасности.

Изнемог, сел на лавку.

— Боже мой! Ты оставляешь меня под конец дней моих. Вот ведь, Леонтий Леонтьевич! Первую ошибку сделал я за долгую мою жизнь! Никогда сей ошибки не прощу себе. Но, Господи! Она будет последней. Надобно было ехать прямо на Москву, а я дорожил Смоленском, дорожил временем. Куда нам теперь, Леонтий Леонтьевич?

И в отчаянье не забыл польстить Беннигсену.

— Видимо, в Гжатск?

— В Гжатск! — приказал Кутузов.

Найденная армия

На следующий день, 17 августа, подъезжая к Гжатску, Михаил Илларионович и Леонтий Леонтьевич встретили обоз какого-то генерала и полк солдат, обходивший обоз по обочинам.

Кутузов вышел из кареты. Приказал:

— Обоз убрать с дороги! Солдату в походе каждый шаг дорог. Скорее придёт, больше отдыхать будет.

— Кутузов! — ахнули солдаты, наливаясь силой и бодростью, будто заново родились. — Приехал наш батюшка!

Обоз убрали, солдаты построились на дороге. Михаил Илларионович обошёл строй.

— Боже мой! Кто бы мог меня уверить, что враг наш устоит перед штыками таких молодцов!

Молодцы исхудали, оборвались, но Кутузову поверили: на штыках? с ними? Будет карачун!

В Гжатске стоял 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого. Весть о прибытии Кутузова озаряла лица солдат и генералов.

Кинулись чиститься, поправлять амуницию. А главнокомандующий уже вот он.

Сказал солдатам:

— Не надо ничего этого! Я приехал посмотреть, здоровы ли

вы, дети мои. Солдату в походе надобно не о щегольстве думать. Ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе.

Узнавши, где стоит командир корпуса, сам приехал к графу Александру Ивановичу. Расцеловал по-родственному. Остерман-Толстой приходился Михаилу Илларионовичу племянником. Его батюшка Иван Матвеевич был женат на Аграфене Ильиничне Бибиковой, сестре Екатерины Ильиничны.

— Ну, что, как? — спросил дядюшка.

— Бежим!

— Сколь я наслышан, под Островно мой племянник не бежал, а стоял.

— Солдаты стояли. На нас шёл Мюрат с двумя корпусами конницы, пехотный корпус вице-короля Богарне. Пришлось командовать: «Стоять и умереть». Господь был милостив, не всех нас взял к Себе.

— Умирать мы умеем, — согласился Кутузов. — Надо научиться оставаться живыми.

— Под Островно мы были 13 июля, а 17 августа — в Гжатске. Багратион к Витебску не пробился, пришлось отступить к Смоленску. В Смоленске мы имели две недели и, премудростью Барклая де Толли, потратили драгоценное время на ночные марши. Солдат вымучили, и только.

Михаил Илларионович рассказал графу, как его назначали главнокомандующим.

— Против меня, по секрету тебе скажу, императрица-мать, её высочество сестрица и ещё некоторые. За меня — Ляксандр Семёныч Шишков и весь народ. Вот я и не оробел. С помощью Божией надеюсь успеть в нашем деле.

— Отступаем однако? — глянул Остерман на дядюшку не без удивления.

— Гжатск для сражения не пригоден. Солдаты утомлены. Милорадовича с корпусом всё ещё нет. Марков с ополчением даже к Можайску не пришёл. Корпусу Остермана требуется значительное пополнение, корпусу Раевского и того боле.

Взявши графа с собой осмотреть ещё раз позицию у Гжатска, Михаил Илларионович заехал в Главный Штаб справиться о важных и срочных новостях.

В Штабе главнокомандующего ждали двое: адъютант его императорского высочества полковник Шульгин и наблюдатель союзнического правительства Великобритании генерал Роберт Вильсон.

— Мало у меня забот! — шепнул Михаил Илларионович Остерману. — Прислали в одном лице английского шпиона и государева соглядатая.

Шульгин порадовал. Привёз поздравительное письмо от Константина: ненавистный ему Барклай де Толли хотя бы от Главной квартиры отставлен. Это раз, а два — Шульгин выказал мужество и привёл в Гжатск собранных на дорогах две тысячи

мародёров. Судить разбойников перед неминуемым генеральным сражением — недосуг. Да ведь и в людях нехватка.

Кутузов пополнил сим сборищем корпус Остермана. В амуниции, в строю человек всякого сословия — дворянского, духовного, купеческого — солдат. И разбойник — солдат.

Вильсон пустился в разговоры, делясь с главнокомандующим встревожившим его наблюдением.

— Я проезжал селом, в котором французские разведчики собирались пополнить запасы продовольствия и фуража. И что бы вы думали, ваша светлость? Я видел десять трупов и видел десять мужиков с карабинами, с саблями и на французских конях! — Лицо у Вильсона было истинно британское, весь в себе, а ум всё же напоказ. — Не кажется ли вашей светлости, что перед Российским государством возникает более серьёзная опасность, нежели Наполеон? Многочисленное крестьянское сословие, познав свою воинскую силу, может стать необычайно опасным для России, ибо народ пребывает в оной в рабском состоянии.

— Господин Вильсон! — взмолился Кутузов. — Моей головы хватает токмо на одного Наполеона. А то, что крестьяне бьют французов, так и слава Богу! Враг, пришедший в Россию, должен бы знать, чего у него здесь не будет. А не будет у него — тыла.

Спровадив англичанина, Михаил Илларионович наконец-то

выслушал донесения разведки. Французы сожгли Вязьму. В Царёво-Займище Коновницын, назначенный Барклаем де Толли командующим арьергардом, — атаман Платов был отставлен — сумел остановить конные корпуса Мюрата и Понятовского, пехоту Даву. Отличились три пионера² 1-го полка — Никифор Поносков, Онуфрий Тимошенко, Никита Яковлев. Под ружейным огнём опередили французов, забежали на мост, зажгли. Кинулись к плотине и умеючи спустили воду. Хлынул мощный поток, смёл с реки деревенские лавы, затопил и без того болотистые берега.

— Всем троим кресты! — распорядился Кутузов.

Война будничная

Наконец-то возле главнокомандующего объявилась свита. Два казака, прибывшие с Михаилом Илларионовичем из Петербурга, они были с ним и в Молдавской армии, подали белого коня, поставили скамеечку, и с этой скамеечки светлейший тяжко ухнул в седло.

В седле же держался воистину главнокомандующим. Даже тучность не портила картины: русский богатырь на заставе, на месте взорном.

Возле Кутузова были Беннигсен и Остерман. За чертой

---

² Солдат инженерных войск

города встретили полковника Толя с юными квартирьерами.

— Кутузов! — первым увидел главнокомандующего Муравьев 5-й. — Конец побегушкам!

Толь строго глянул на дерзкого мальчишку, но промолчал. Поехал навстречу, доложил:

— Квартирьеры присланы командующим 1-й армией для обозрения местности и возведения оборонительных позиций, прикрывающих Московскую дорогу.

— Никаких позиций позади армии нам не нужно, — сказал Кутузов негромко начальнику квартирьеров и во весь голос юным прапорщикам: — Мы и без того уж слишком долго отступали.

И опять Толю и Беннигсену:

— Место для сражения надобно искать возле Можайска. Обратите внимание, полковник, на Колоцкий монастырь.

Очередной отход, но уже по его приказу, Михаил Илларионович за отступление, должно быть, не считал.

Возвращаясь в Гжатск, встретили на крайней улочке баб. Поймали двух мародёров.

— Большой начальник! Нажарь злодеев! — дорогу загородили. — Нажарь, чтоб ни сесть, ни лечь не могли!

— Кутузову мужик нужен в здравии, — сказал для всех неожиданное главнокомандующий и повернулся к Остерману: — Генерал, прими оных в свою команду. Ходатайствую! Нажарят Наполеона — вот им прощенье.

— Кутузов! — ахнули бабы, расставаясь со своею добычей. — Самый важнецкий енерал!

— Паисий! — подозвал Кутузов своего дежурного полковника. — Надо послать лёгкую кавалерию по окрестностям. Мародёры — угроза престижу и армии, и солдатскому званию.

— Ваша светлость! В Гжатске и по дороге к Гжатску 1-я армия. А в 1-й армии лёгкой кавалерии нет.

— Как нет?! — Главнокомандующий смотрел на генералов и обер-офицеров, не умея взять в толк, что ему сказано.

Начальник канцелярии полковник Скобелев ответил за всех:

— Казаков Платова ещё на границе отсекли. 1-й кавалерийский корпус генерала Уварова тоже принуждён был отступить ко 2-й армии.

Михаил Илларионович поднял руку, заслоня здоровый глаз от солнца.

— Вот они, казаки.

К Гжатску подходил один из шести полков генерала Карпова.

Команды были отданы. И три эскадрона развернулись и пошли вспять.

— Сам Кутузов приказ дал! — сказал казак Парпара Василию Перовскому.

— Ах, посмотреть бы!

— Дело исполним, он тебе ещё и крестик на грудь прицепит! — пообещал добрейший Харлампей.

А Кутузову пришлось выслушать в тот день первый укор.

Прощаясь, Остерман сказал, опустив глаза:

— Выходит, опять отступаем.

— Друг мой! — Кутузов пожал племяннику руку сильно, до боли — могучий старец. — Ты знаешь, над кем поставлен командовать? У тебя две дивизии, 11-я и 23-я. Командуют Николай Николаевич Бахметьев и Александр Николаевич Бахметьев... А вот я, главнокомандующий, ведать не ведаю не токмо, где у меня 3-я армия, но где Багратион и сколько у него людей, где Барклай де Толли. Не знаю, сколько ведут к нам воинства Милорадович и Марков и как скоро пришлёт резервные корпуса князь Лобанов-Ростовский. Я только сегодня армию сыскал, а из армии одного тебя.

И поцеловал Остермана.

Поздно вечером, при свечах Михаил Илларионович продиктовал Паисию Кайсарову письмо главнокомандующему Москвы графу Ростопчину.

«Не видевшись ещё с командовавшим доселе армиями господином военным министром и не будучи ещё достаточно известен о всех средствах, в них имеющихся, не могу ещё ничего сказать положительного о будущих предположениях насчёт действий армий. Не решён ещё вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России...»

Кайсаров ужаснулся, но даже пера от бумаги не оторвал.

Кутузов глянул на железного своего полковника и сказал:

— Тебе писать сие не вмоготу, а мне надобно выбор делать.

И продолжил диктовку.

Покончив с письмом к Ростопчину, попросил взять ещё один лист.

— Коновницыну приходится весьма туго. Отпиши Багратиону. Пусть князь Пётр Иванович прикажет послать в помощь арьергарду 1-й армии пятнадцать эскадронов. Солдатам необходим отдых, а главное, надобно время для устройства войск перед сражением.

Жизнь на колёсах сменилась на жизнь бивачную. Но стряпухи и горничьи Михаила Илларионовича умудрились подать отменный ужин и постель приготовили чистоты ослепительной.

Михаил Илларионович в изысканной еде себе не отказал, а вот спать улёгся без сапог, но в одежде. Уж так у него было заведено.

Казачи, посланные ловить мародёров, напоролись на отряд французов.

Конные французы обступили малую рожицу, спешились, дали залп и пошли приступом. Тут на них и бросилась визжащая по-бабьи ватага с косами. Схватка вышла короткой, французы отхлынули. Снова дали залп. И опять пошли.

— Вот мужичьё! По-бабьи визжат! — изумился Василий Перовский.

— Да это ж бабы и есть! — У Парпары заходили желваки на скулах, выхватил саблю со свистом, глянул на хорунжего.

Французов было сотни полторы — на полусотню многовато.

— Не побьём, так напугаем!

И казаки помчались на врага.

Верно. Напугали. Французы бросились к лошадям, бабы за ними. Ушли наполеончики, на оставших не оглядываясь.

Казаки подъехали к месту боя. Бабы, окружив нескольких французиков, неистово размахивали косами, увеча и убивая.

— Остановитесь! — приказал хорунжий.

Остановились, да не сразу. Один уцелел.

— Отдайте этого нам! — сказал бабам хорунжий. — Где ваши мужики?

— Пошли обоз громить! — ответила молодка с серпом в руке, вся забрызганная кровью. — Нашу деревню два раза грабили. Мы в лес, а эти и в лесу нас нашли.

— Пленный — офицер. Он весьма сгодится командованию, — сказал бабам Василий.

— Узнаем, какие войска на нас идут.

— Придут, так и узнаете! — Лицо молодки перекосило злобою, и она всадила вдруг серп в живот несчастного.

— Сука проклятая! — закричали казаки.

Но бабы, щетинясь косами и серпами, заслонили молодку.

— Матушку у неё из ружья порешили.

Показали на лежащую в траве убитую богатыршу:

— Евдокиюшка-душа! Если б не она, не отбились.

Василию горячие сумерки кинулись в голову, пустил коня прочь.

— Поделом лягушатникам! С бабами не сладили! — крутил огромной своей башкой Харлампий.

— А ты бы сладил? — спросил его Парпара.

— Медведицы!

— Чего же им не быть медведицами-то? В лесу, чай, детишки у них.

Василий на три дня разговаривать разучился. Поглядела на него война. Уж так поглядела. Во всю жизнь не забыть³.

---

³ Последняя глава романа «Перовские» была опубликована в альманахе «Гостиный Двор» № 41